

МИХАИЛ МИХЕЕВ

РОЖДЕННЫЕ В ОГНЕ

FANTASY WORLD

Fantasy-world

Михаил Михеев

Рожденные в огне

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Рожденные в огне / М. А. Михеев — «Издательство АСТ»,
2021 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-134686-7

Даже самая большая война имеет свойство заканчиваться. И что после нее остается? Выжженная земля, разрушенная экономика – и провинции, которые, отбившись самостоятельно, не жаждут вернуться в лоно метрополии. Вот только политики, держащиеся за свои кресла, с этим не согласны. Адмирал Александров, сумевший в одиночку остановить бойню, вынужден теперь решать новую задачу – отстоять родную планету от жаждущей восстановить над ней контроль Конфедерацией. Справится ли он с этим? Чем придется пожертвовать, какие решения принять и кто придет на помощь в трудную минуту?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134686-7

© Михеев М. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	39
-----------------------------------	----

Михаил Михеев

Защитники Урала: Рожденные в огне

© Михаил Михеев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*У римлян шёл в атаку последний легион.
Его ряды уверенно держались.
Но варвары сегодня, превосходя числом,
В сражение неизбежно побеждали.*

*У римлян шёл в атаку последний легион,
Но не равняйте доблесть и закланье!
И если хоть один с мечом и со щитом,
То римляне ещё не проиграли!*

*У римлян шёл в атаку последний легион,
Свою судьбу прекрасно понимая,
Что для него не будет счастливого «потом».
Держать ряды! И римляне держали.*

Т. Кардаполов. Последний легион

Система планеты Эль Рияд

Эскадра восточников на большой, в половину рубки, голографической карте выглядела россыпью ярко светящихся точек. В приглушенном свете они смотрелись эффектно, но для непосвященного человека абсолютно непонятно. Впрочем, здесь непосвященных не было.

Адмирал Александров прикрыл глаза, размышляя и в то же время, не теряя противника из виду. Детализацию изображения можно было, конечно, и повысить, но для него в этом не имелось смысла. Александров предпочитал видеть больше окружающего пространства, чтобы, не дай Космос, не проворонить какую-нибудь пакость, на которую так богата вся история войн. А детали... Вот когда он вступит в бой, тогда они и понадобятся. Может быть. А может, и нет.

Командующий флотом Урала был нереально спокоен. Азарт ушел, оставив вместо себя лишь холодный расчет. Почему? Наверное, просто из-за того, что адмирал пережег уже весь адреналин, готовясь к этому сражению. Победить в нем он мог, наверное. Да какое там наверное. Свои шансы на победу он сейчас оценивал процентов этак в восемьдесят. Дождаться, когда восточники втянутся в сражение с Эль Риядом, понесут серьезные потери, а потом зажать их на орбите этой несчастной планеты и раздавить огнем, пользуясь индивидуальным превосходством своих кораблей. Но какой ценой?

Если бы все упиралось в одно лишь это сражение, то потеря четверти кораблей безвозвратно и еще столько же тяжело поврежденными его, возможно, и не остановила бы. В конце концов, идет война, а значит, без потерь не обойтись. Но то, что происходило здесь и сейчас, являлось не более чем эпизодом. Важным, имеющим серьезные перспективы, но – эпизодом. И Александрову требовалось, чтобы, когда эта мелкая драчка закончится, в его распоряжении оставался флот, способный на серьезные операции, а не инвалидная команда. Соответственно, ему требовалось из кожи вон вывернуться, но разгромить врага без серьезных потерь со своей

стороны. Учитывая, что вражеские корабли ведет лучший адмирал Ассоциации Восточных Народов и его флот банально превосходит флот Александра в количестве кораблей и суммарной огневой мощи, задача практически нереальная. И сыграть он сейчас мог лишь на том, что с большой долей вероятности знает, кому поручат нанести удар возмездия. Знает, кто ему противостоит, и, соответственно, может в какой-то мере предугадывать его ходы, а Касиваги такой возможности лишен.

Да, Касиваги, Касиваги... Старше Александра... Ненамного. Но послужной список богаче, в звании выше и начинал служить раньше. Следовательно, и опыта больше. А еще...

– Его мать уехала с Урала после того, как вышла замуж за японца. К тому времени эксперимент по созданию идеального солдата был уже закрыт. Его признали неудачным, и дочери одного из участников, не проявлявшей каких-либо сверхспособностей, никто не чинил препятствий. А зря...

Устинов, рассказывая об этом, выглядел усталым. Александров тогда почувствовал даже некоторую жалость к маршалу. Чай, не мальчик уже, а тут столько всего свалилось, что и кто помоложе взвоят. Впрочем, адмирал быстро отогнал эти недостойные эмоции. В конце концов, никто Устинова в политику на аркане не тащил, так что пусть теперь принимает и хорошие ее стороны, и изнанку, и причитающуюся к ним ответственность. Хотя, конечно, на Александра ее груз тоже давил весьма ощутимо. Особенно сейчас.

– Два часа до контакта...

– Благодарю, – адмирал кивнул командиру линкора, поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. – Организуйте мне кофе, пожалуйста.

Кружка с ароматным напитком появилась словно по волшебству. Александров отхлебнул, немного подумал и махнул рукой:

– Всем свободным от вахты отдыхать. Передайте по эскадре. Ничего интересного в ближайшее время не произойдет, а потом вы все мне будете нужны свежими и отдохнувшими.

Народ понял и оценил. Здесь все подобрались опытные, не раз участвовавшие в боях, обстрелянные люди, привыкшие ценить каждую минуту отдыха. Сам Александров, правда, из рубки не ушел, но, устроившись поудобнее, тут же задремал прямо в кресле, и никакое бодрящее действие кофе ему не помешало. Зато через два часа он уже с интересом наблюдал за развитием событий, и происходящее ему определенно нравилось.

Принц Фейсал и впрямь был умным человеком. А потому, разработав собственный, авантюрный, но многообещающий план минной постановки, при его реализации он не отмахнулся от совета одного из уральских офицеров, между делом данного во время совещания. Видать, решил, что пускай тот хоть сто раз неверный, Аллах простит. А вот шкуру ему в случае поражения ни один бог не вернет – ни Аллах, ни Христос, ни даже сам Будда. Поэтому в настройки боеголовок мин ввели не совсем стандартные уточнения, которые, вкупе с изящным решением по их установке, и предопределили исход первого этапа сражения.

Как правило, системы управления настраивали всего на два варианта действий: подать запрос «свой-чужой» и, в случае если правильного ответа не последует, нанести удар, либо бить не спрашивая. Второй вариант реализовывался реже и применялся обычно в случае, если существовала вероятность раскрытия кодов противником. В любом случае, мины атаквали того, кто входил в зону поражения, невзирая на класс вражеского корабля. Соответственно, и разносили в клочья главным образом силы охранения – во-первых, они были многочисленнее линкоров и крейсеров, а во-вторых, мощная защита тяжелых кораблей умела противостоять взрывам боеголовок.

Предложение уральского эксперта было простым: внести в боеголовки первой волны массогабаритные ограничения с тем, чтобы атаквались лишь тяжелые корабли. В походном положении защитные поля работают на минимуме напряженности, а значит, при внезапном ударе имеется неплохой шанс пробить их. Плюс активация всех мин одновременно, благо организо-

вать единую информационную систему на ничтожной по космическим меркам дистанции элементарно. А на силы охранения достанет и тех мин, что встретятся позже – чтобы расковырять фрегат, при минимальной удаче хватит и одного попадания. Предложение серьезно обдумали – и приняли. И вот сейчас хитрость сработала, причем на редкость успешно. Или удачно? Космос ведает, главное, все получилось.

Крайне разреженный метеорный поток (а именно так выглядело на радарх мигрирующее минное поле), тем более, проходящий несколько в стороне от курса эскадры восточников, не являлся достаточно веской причиной для смены курса. И для усиления защитного поля – тоже. А потому практически одновременная ракетная атака с минимальной дистанции оказалась не только неожиданной, но и убийственно эффективной.

Силовые поля честно встали на пути врага, но за те несколько секунд подлетного времени, что прошли с момента обнаружения запуска, нарастить их мощность до хоть сколько-то приемлемых величин было физически невозможно. Защиту буквально смело, и ракеты, идущие вторым эшелонem, достигли цели. Не все, зенитки линкоров тоже кое-чего стоили, но и прорвавшихся хватило для сокрушительного результата. Их было всего-то процентов десять, может, даже меньше, все же порядком устаревшее вооружение Эль Рияда не могло на равных конкурировать с тем, что производила сверхдержава. Тем не менее мощь боеголовок никуда не делась. Космос озарился яркими, хотя и скоротечными вспышками, и ни одна из них не означала для восточников ничего хорошего.

В первые же секунды боя Касиваги лишился авианосца «Гонконг», новейшего, только только введенного в строй, и линкора «Исэ». Ничего личного, просто их позиция в порядке оказалась не слишком удачной. К тому же попадание в авианосец произошло в момент, когда огромный корабль был наиболее уязвим. Летные палубы корабля по несчастливому для него совпадению были открыты, перед ожидающимся вскорости боем производилось техническое обслуживание механизмов, а единственная ракета, доставшаяся авианосцу, ударила рядом со створом стартового колодца. Взрыв оказался не то чтобы особенно сильным, да и большая часть его энергии рассеялась в пространстве, «всего лишь» оплавив между делом корпус звездолета и смахнув часть надстроек, но и той малости, что хлынула внутрь, оказалось достаточно.

Переборки, не рассчитанные на буйство стихий, разнесло в клочья, частью расплавив металлические листы, а частью вырвав и раскидав, словно кусочки алюминиевой фольги. Весь осевой туннель и примыкающие к нему ангары и склады заполнило клубящееся пламя, а вокруг него стремительно распространялась жуткая в своей мощи ударная волна. Хлынув в боковые коридоры, она, словно бумажные, вышибла уже переборки внешнего радиуса. В считанные секунды на корабле не осталось ничего живого.

Это был еще не конец, звездолет такого класса может функционировать и без экипажа... какое-то время. Автоматика задействовала противопожарные системы, экстренно глушила и отстреливала реакторы, но это уже ничего не меняло. Авианосец в буквальном смысле слова начал раздуваться, его каркас деформировался, а броневые плиты обшивки вырывало, но... Но чудо военной мысли Ассоциации Восточных Народов оказалось на диво прочным. «Гонконг» не взорвался и не рассыпался. Он просто ушел в вечность, в бесконечный полет выжженным изнутри куском металла, подобно засушенной рыбе фугу, экзотической, но уже не опасной и никому, по большому счету, неинтересной.

По сравнению с этой феерией огня и смерти гибель «Исэ» выглядела до ужаса буднично. Три боеголовки по два десятка килотонн каждая в борт, и... И, в общем-то, все. Хотя ядерные боеприпасы в космосе теряют значительную часть эффективности, этого хватило, чтобы превратить только что грозный линкор в облако стремительно разлетающейся, мерцающей пыли. Был корабль – и нет корабля.

А бой еще только начинался. Линкор «Хюга» успел поднять мощность защитного поля до тридцати с небольшим процентов – первый вал мин растратился на «Исэ» и «Гонконг»,

что дало ему целых пять секунд форы. Когда речь идет о жизни и смерти, бесценный подарок. Силовой купол погасил четыре взрыва, пятый вырвал линкору кусок борта площадью с футбольное поле, но корабль не разрушился и даже не потерял управления. Легко, можно сказать, отделался. А вот его систершип, «Фусо», пришлось хуже. Всего-то и поймал на одно попадание больше, но этого хватило, чтобы полностью оторвать звездолету кормовую часть вместе с двигателями, уничтожив при этом две трети экипажа. Впрочем, те, кто выжил, могли теперь им завидовать – полученная ими порция излучения гарантировала жизнь мучительную, зато недолгую.

Линейный крейсер «Конго» пережил минную атаку практически без потерь. Как ни странно, ему общая слабость всех линейных крейсеров пошла только на пользу. Меньшая прочность корпуса частично компенсировалась более мощным силовым полем. Оно-то и выдержало почти все попадания, и потому, хотя ядерное пламя изрядно попортило надстройки и вывело из строя часть артиллерийских установок, в целом боеспособности корабль не утратил и потерь в людях не понес. Зато идущий параллельным курсом линейный крейсер «Кири-сима» получил «за себя и за того парня». Его командир пытался уклониться от идущей на него смерти и, совершая маневр, неудачно подставил под удар дюзы. Две самоходные мины разом поставили точку на карьере звездолета, их взрывы буквально пронзили его насквозь, от кормы до носа, превратив корабль в несколько оплавленных комков металла и облако радиоактивной пыли вокруг.

Еще два линейных корабля, «Хо Ши Мин» и «Ли Си Цин», названные в честь легендарных вьетнамских героев древности, проявили удивительную слаженность. Впрочем, и неудивительно – эти звездолеты изначально входили в состав одной эскадры, а подготовка вьетнамских офицеров всегда была на высоте. Корабли грамотно распределили цели и выставили перед летящей в них смертью настоящую стену огня. Ни одна мина до них так и не добралась. Остальные корабли оказались слишком далеко и подверглись лишь случайным атакам, которые были легко отбиты. А вскоре бой и вообще закончился – не так уж много мин запустили навстречу агрессорам с Эль Рияда, и первая группировка попросту иссякла.

На мостике своего флагмана, линкора «Нагато», Касиваги делал то, что для японского офицера несвойственно и, как принято считать, недостойно. Он ругался. На всех языках, которые знал, а было их немало. Его можно было понять, но подчиненные в тот момент предпочитали не думать о тонкой душевной организации командующего и не попадать ему под горячую руку. Чревато. Хотя, наверное, кто угодно на месте Касиваги вел бы себя точно так же.

Понять адмирала действительно было можно. В какие-то секунды он потерял два линкора, линейный крейсер и авианосец. Ровно четверть ударной группы, не считая поврежденных кораблей. А главное, виной тому была его, Касиваги, самонадеянность. Ну не ждал он такого от заведомо более слабого противника. Да и от любого другого не ждал бы. Он, лучший флотоводец Ассоциации Восточных Народов, привык к тому, что именно его флот владеет инициативой. Привычка с годами трансформировалась вначале в уверенность, а затем и в самоуверенность, но одно и то же не может продолжаться вечно. И вот – нарвался. О личности и возрасте командующего флотом Эль Рияда он был уже осведомлен. Плюха от мальчишки! Закономерный результат.

Тем не менее взял Касиваги себя в руки очень быстро. Время работало против него, адмирал хорошо это понимал, а построение кораблей для отражения повторной атаки было неудачным. В том же, что она последует, Касиваги не сомневался ни на миг. Вот только пауза между ними оказалась короче, чем он предполагал, и сделать хоть что-либо уже не было времени.

Новая волна мин уже приблизилась на расстояние удара. В их электронные «мозги» никто не пытался закладывать массогабаритные ограничения. Тяжелые корабли с выведенными на боевой режим силовыми полями практически неуязвимы для подобного оружия, и

пытаться атаковать их окажется пустой тратой сил. Зато единовременную активацию оставили, благодаря чему удар вновь получился массированным. Что, в принципе, и требовалось.

В бою «стена», пробивая дорогу через минное поле, малоуязвима благодаря силовым полям, но в походном положении корабли эскорта идут впереди. Их защита не столь эффективна, а спрятаться позади строя линкоров они уже не успевали. Их орудия работали на пределе скорострельности, сзади их поддерживали тяжелые корабли, но подавить все мины зенитки были не в состоянии. А легкому кораблю хватает и одного попадания...

Адмирал Касиваги молчал. Не осталось сил даже ругаться, и на мостике «Нагато» впервые с начала боя воцарилась полная, гробовая тишина. То, что произошло, нельзя было назвать иначе как разгромом, в течение каких-то нескольких минут человек, считавшийся ранее непобедимым, лишился не только жирного куска ударной группы, но и трети легких сил. Подобных потерь у него еще не бывало. И, что вдвойне обидно, плюха ими получена не от оснащенного сверхсовременным оружием флота Конфедерации. Нет, им накидали какие-то несчастные арабы – характеристики применяемого оружия не оставляли места сомнениям.

Наверное, сейчас Касиваги следовало отойти, причем чем быстрее, тем лучше. Это могло оказаться оптимальным выходом для всех, но не для самого адмирала. Законы в штабах волчи. Съедят, и даже если удастся обойтись без ритуального самоубийства или полного разжалования, то, как минимум, до конца жизни ему придется заниматься пересчетом гаек на какой-нибудь особо удаленной от столицы базе. Исправить положение сейчас могла лишь полная, безоговорочная, а главное, громкая победа.

– Вперед! – это было единственное, что сказал Касиваги, прежде чем покинул мостик и на два часа заперся в собственной каюте. Впрочем, большего и не требовалось, уж организовать движение перестроившейся из походного порядка в боевой эскадры командирам звездолетов было вполне по силам.

Система планеты Новый Иерусалим. Это же время

Грузопассажирский корабль «Ашкелон» неспешно и важно двигался в сторону внешнего кольца астероидов. Когда-то в самом сердце их системы притяжение свело вместе планету размерами с Юпитер и другую, раза в три меньше, невесть сколько миллионов лет странствующую в пространстве без собственной звезды. Поцелуя не пережила ни одна из них, однако планеты не взорвались, засорив все вокруг осколками, будто шрапнелью, а рассыпались постепенно, и центробежная сила растянула их в гигантское и на редкость плотное кольцо. Сейчас этот набор больших и маленьких астероидов активно эксплуатировали люди, благо содержание металлов в них оказалось запредельным. Именно благодаря большому количеству трансурановых элементов Новый Иерусалим никогда не имел проблем с энергетикой и топливом для звездолетов. Многие планеты сидели с ними на голодном пайке, но только не здесь!

Смешно. На планете хоть шаром покати, а здесь – такое богатство! Увы, развели его не так давно и выйти с поставками на внешний рынок не успели. Места уже были заняты, и пускать чужаков никто не собирался. Даже соплеменники, оставшиеся среди других народов. Да что там... Особенно они! Поэтому вместо торгового потока у Нового Иерусалима еле-еле плескался жалкий ручеечек, и, соответственно, большой торговый флот ему не требовался. Четыре корабля – и все, причем три из них работали в основном на обслуживание внутрисистемных перевозок.

Вот и в этот раз «Ашкелон» выполнял скучный рутинный рейс, перевоза оборудование и продовольствие для шахтеров. Хорошо еще, с воздухом у них проблем не было, научились синтезировать и очищать на месте. Обратный корабль потащит огромные контейнеры с рудой. В других системах для этой цели использовался несколько иной прием: строился ускоритель, который запускал контейнеры в свободный полет, а у точки назначения их перехватывали буксиры. Однако здесь и сейчас масштабы добычи были не столь уж велики, и экономисты Нового

Иерусалима посчитали, что тягать грузы кораблем выгоднее, чем строить в поясе астероидов комплексы первичной переработки и рельсотрон. Все равно туда-сюда ползает, не порожняком же его обратно гонять.

Помимо груза корабль вез смену шахтеров, три сотни человек, ютящихся в тесных четырехместных каютах. А куда деваться? Ничего, за те деньги, что они зарабатывают, потерпят, благо недолго. Женщины летели в отдельных каютах – поварихи, медсестры... Правда, капитан «Ашкелона» полагал, что основная их функция там будет совсем другая. Вид у дам тоже был несколько... специфический. Впрочем, ему было плевать.

– Капитан! – Старший помощник ворвался в рубку. Командир звездолета удивленно поднял брови. Да уж, дисциплинка... Впрочем, сам виноват, подраспустил своих подчиненных. А куда деваться? Практически все, кто предпочел космос размеренной и спокойной жизни на планете, из вымирающей у их народа породы романтиков, мечтающих об иных мирах. А вместо этого им – внутрисистемные рейсы, скучные и ничуть не романтические. Раз в год, в лучшем случае, поход к какой-нибудь не очень развитой и потому неинтересной корпорациям более крупных государств планете. Естественно, что в экипаже моральная составляющая ниже плинтуса, и задачей капитана оказывается даже не ее подъем, а удержание на уровне, позволяющем худо-бедно выполнять поставленные задачи. И не заменишь ведь людей, желающих – дефицит. Увы, капитан их очень хорошо понимал, сам был таким же.

– Слушаю, – мрачно буркнул он.

– Неизвестный корабль.

– В смысле?

– Обнаружили только что. Идет к нам.

Капитан пожал плечами. Перепились они там, что ли? Откуда здесь взяться чужому кораблю? Хотя... Может, военные? Недавно почти весь флот ушел к соседям порядок наводить, наверное, кто-то из них вернулся. Эту мысль он и постарался донести до помощника, но тот, видимо, разозленный скудоумием и медлительностью работы головы капитана, лишь раздраженно дернул головой:

– Это было первое, что мы проверили. Массогабаритные характеристики и засветка на радаре отсутствуют в базе данных.

– Ладно, – сдался капитан. – Данные на мой терминал. Живо!

Спустя каких-то двадцать секунд он убедился в правоте своего помощника. Корабль, обнаруженный ими, действительно был громаден, но при этом оставлял на удивление слабую засветку. Неудивительно, что его обнаружили лишь сейчас, когда до него оставалось от силы пять минут ходу. А главное, он шел на перехват «Ашкелона», уж в этом капитан, оттрубивший пять лет на крейсере, не сомневался.

Впрочем, гордиться собственной проницательностью ему пришлось недолго. Прежде чем он успел сказать «мяу», экран подернулся рябью, моментально пошли данные об отказе систем обнаружения и связи. Корабль стал глух и слеп. Ну и онемел заодно, чтоб жизнь малиной не казалась.

Еще через минуту экраны ожили. Только показывали они не то, что положено, а одну и ту же картинку. Точнее, одну и ту же рожу, нагловатую и веселую. Рожа эта секунд пять тарашилась на них, а потом улыбнулась и скомандовала:

– Эй, орлы! Движки глушите и готовьтесь принять штурмовую группу. А то размажу по всей галактике и скажу, что так и было.

– Да что вы...

Экраны погасли, а через пару секунд «Ашкелон» вздрогнул, как будто некий исполин дал ему хорошего пинка. Взыла, будто вгрызающийся в уши штормовая сирена. В мешанине данных, идущих на его терминал, командир грузовика моментально выделил главное: один из контейнеров с оборудованием, которые его корабль тащил на внешней подвеске, вырвало и отшвыр-

нуло прочь. Системы видеонаблюдения не работали, но и через иллюминатор можно было неплохо разглядеть, что кувыркающийся, будто кегля, пластиковый параллелепипед изрядно разрушен и оплавлен. И объяснение этому могло быть лишь одно – кто-то, не мудрствуя лукаво, пальнул в них из орудия.

– А теперь слушайте меня! – экраны вновь ожили, но на этот раз собеседник уже не улыбался, выплевывая слова, будто осколки льда. – Я – капитан второго ранга Вассерман. Ваши корабли нанесли удар по нашей эскадре в системе Великой Нигерии. А я их уничтожил. И если кто еще не понял, то любое промедление будет расцениваться как попытка сопротивления и подавляться всеми имеющимися у меня средствами. Пять секунд на размышление. Время пошло!

Еще через десять минут набитые десанниками боты отвалили от «Петра Великого» и взяли курс на чужой звездолет. Наблюдающий за ними Вассерман слегка поморщился. Конечно, справятся, но... Черт бы побрал эту лоханку, откровенно говоря. Конечно, их курс не пересекался, но радары иерусалимского корабля были вполне способны обнаружить дредноут. Раскрывать же свое инкогнито раньше времени совершенно не хотелось, вот и пришлось сблизиться, оглушать грузовик системой РЭБ, а затем брать на бордаж. Что только с ним потом делать, совершенно непонятно. Хотя... Трофей? Трофей, а значит, всего-то перегнать домой и получить за него премию!

Подивившись собственному тугодумию и повеселев, Вассерман вновь склонился над пультом, оценивая новый курс, только что проложенный штурманами. Не то чтобы он не доверял им – не первый день всех знает, но все же проверить лишний раз стоит. В конце концов, он здесь Первый после Бога, а это – не только власть. Победа и ее лавры, в первую очередь, его, но и любая проблема тоже на нем. Лишь получив под командование собственный корабль, он смог оценить груз ответственности, лежащий на его командира. Оценить и понять, не умом, а всей сущностью, почему обычно неунывающий и бесшабашный друг Володька так часто ходит с серым от усталости лицом.

Транспорт взяли под контроль в считанные минуты. Те, кто на нем находился, смотрели на десантников злобно, однако дергаться не пытались. Не зря командир дредноута решил сэкономить на предупредительном выстреле поперек курса, а сразу, без вступления, перешел ко второй части концерта. Результаты поневоле внушили уважение, и десантники без особых проблем распахали шахтеров по каютам. Получив донесение об этом, Вассерман немного поразмыслил, а затем приказал направить корабль прежним маршрутом. Во-первых, как он считал, уморить голодом шахтеров, находящихся на рудниках, последнее дело. А во-вторых, груз обогащенной руды куда дороже нынешнего содержимого трюмов «Ашкелона». Сам же дредноут вновь двинулся к Новому Иерусалиму – шанс, что там пока не знают о разгроме своего флота у Великой Нигерии и не ожидают контр-демарша, все еще был велик.

Ожидания частично оправдались. Когда «Петр Великий» приблизился к планете на дистанцию пятипроцентной вероятности поражения главным калибром, там царила невероятная суета. Вассерман с трудом удержался от того, чтобы неприлично хихикнуть – похоже, его корабль все же засекли. Только вот поздновато сообразили, что за чудо-юдо движется в их сторону. Сейчас они пытались вывести из дока линкор, видимо, находящийся там на ремонте, и доставить на орбитальные крепости основную часть гарнизона – по случаю многовекового мира, на военных станциях находилась лишь дежурная смена, поддерживающая работоспособность техники. Устаревшей, надо сказать, техники – раз никто не угрожает, незачем тратить средства на модернизацию крепостей. Маразм, конечно, однако пленные все как один утверждали, что именно таковы порядки на их планете, и не верить им смысла не было.

Как человек, успевший не только послужить, но и повоевать, Вассерман мог с уверенностью сказать, что ничего задуманного местные вояки сделать не успеют. В конце концов, при атаке на планету с целью подавления ее обороноспособности, согласно всем законам тактики,

он должен был уже начать обстрел. И пес с ним, что накроет города. Жертвы среди абстрактного мирного населения не остановили бы Вассермана, вот только свои же не поймут такого. Оставалось идти на сближение – в любом случае, времени пока хватало. Если, конечно, и сам он не будет мешкать. Сейчас ему противостоял один-единственный линейный корабль, «Шальдаг», посудина достаточно старая и потрепанная жизнью. Поэтому, наверное, его и не взяли в закончившийся столь печально для флота Нового Иерусалима рейд. Линкор поддерживали три корвета, но это были явно не те силы, с которыми стоило выходить против самого мощного корабля в исследованном космосе.

И все же «Шальдаг» начал разгон, чтобы встретить угрозу на дальних подступах. Все верно, его орудия должны уступать тем, что установлены на «Петре Великом», и калибром, и прицельной дальностью. Соответственно, единственный шанс причинить незваному гостю хоть какой-то урон – это сблизиться с ним. Самоубийственный маневр, однако храбрость тех, кто пытался выиграть для своей планеты хотя бы лишние несколько минут на подготовку, внушала уважение.

Ну что же, пора было испытать очередную новинку. Новейшему кораблю – новейшее оружие, так сказали дома, загрузив на «Петра Великого» кое-что интересное. Ту же систему РЭБ, которую столь успешно опробовали на встречном грузовике. Вот только новое – это значит, в боевых условиях не испытанное, так что одной из задач Вассермана было исправить этот пробел.

Вообще-то, ракеты, выпущенные дредноутом, не предназначались для этой войны. В тайне от всех уральцы их готовили для войны следующей, что планировали несколько позже и совсем с другим противником. Однако, узнав о новинке, Александров выругался, стукнул кулаком по столу и сказал: ставьте. И Вассерман считал его правым – и так на пределе сил воюют. Жаль только, пока имелось лишь несколько прототипов, которые и разместили в арсенале «Петра Великого».

Сами устройства откровением технической мысли не являлись – обычные ракеты стандартного калибра, запускаемые из обычных шахт. Как всегда, дьявол прятался в деталях, точнее, в боеголовках. Вся их энергия, а ее было немало, уходила на создание мощнейшего электромагнитного импульса, по мощности в разы превосходящего те, что возникают при ядерном взрыве, способного пробить защитное поле и буквально глушащего электронику противника. Ничего нового, реинкарнация древней идеи, но на десятки порядков мощнее и вдобавок направленно, узким пучком. И сейчас ракеты пошли навстречу «Шальдагу», хотя применение сразу двух таких устройств, да еще и против этой калоши, огорчало немного прижимистого кавторанга. Как-никак дредноут был вполне способен расстрелять противника с дальней дистанции и применяя куда более дешевые средства.

Все сработало штатно. Два взрыва практически на границе защитного поля «Шальдага»... Очень слабые, если верить приборам. Не знай на дредноуте, куда смотреть, могли бы и не заметить. Все, как и должно быть, рассеивание энергии минимально. Ну а потом... Потом вражеский линкор разом погасил щиты и начал медленно отклоняться от курса. Ожидание и правильно, электроника умерла. Интересно даже, успеют механики в аварийном режиме заглушить реакторы, или же корабль уподобится сверхновой, оставив на память феерическую вспышку?

Успели, однако Вассерман не любил оставлять дело на самотек. Проходя на ничтожной по космическим меркам дистанции от противника, всего-то в каких-нибудь двадцати километрах, «Петр Великий» двумя выстрелами вдребезги разнес иерусалимцам отражатели двигателей. Можно было вообще уничтожить их корабль, это было бы даже проще, однако смысла в этом бравый кавторанг не видел. Да и потом, храбрые люди – это ценный кусок генофонда всего человечества. Глядишь, пригодятся. Успокоив себя таким образом, Вассерман отбросил лишние мысли и вызвал вражеские корветы:

– Эй, вы, умники! Можете не отвечать, но я знаю, что вы меня слышите. Хорошо воевать, причинить нам вред вы все равно не сможете. Займитесь своим флагманом, пока его не унесло черт-те куда. Рискнете влезть – уничтожу.

– Можно было просто уничтожить...

Вассерман обернулся к своим людям, но, так и не сообщив, кто это сказал, лишь хмыкнул:

– Можно. А зачем? И потом, рванут прочь – так мы их просто не догоним. Легко быть добрым, если остальные варианты слишком затратны. Вперед!

Полчаса спустя дредноут приблизился к планете на дистанцию девяностопроцентной вероятности поражения. С этого момента он открыл огонь, и всякая суеда на орбите прекратилась – орудия корабля банально ссаживали боты с людьми. Одна из орбитальных крепостей дала было залп в ответ и тут же замолчала, получив в ответ хорошую плюху. Полновесный залп дредноута легко проломил силовое поле и сделал на внешней броне крепости с десяток дырок, после чего ее гарнизон, точнее, его жалкий огрызок, успевший прибыть с планеты, дергаться уже не рискнул.

Правильно оценивший молчание крепостей, Вассерман довольно хмыкнул:

– А вот теперь подкинем им пилюлю и посмотрим, как они отреагируют.

Пилюля вышла красивая. Облако плазмы в верхних слоях атмосферы, окрасившее половину небосклона в нежно-лиловые тона, особенно хорошо смотрелось на ночной стороне планеты. И почти сразу Вассерману сообщили о сигнале с планеты. Кто-то очень хотел поговорить. Что же, не стоило отказывать людям в столь правильном желании.

Рожа на экране была вполне ожидаемой – с залысинами, крупным вислым носом и приплюснутыми сверху ушами. Прямо хрестоматийная. По сравнению с ней Вассерман, особенно похудев, смотрелся едва ли не образцом истинного арийца. Рожа молчала. Вассерман тоже. Потом он пожал плечами и повернулся к старшему артиллеристу:

– Петр Яковлевич, повтори.

Тот понятиливо кивнул, быстрым движением коснулся клавиш пульта. Вот так, достойный ученик. Вряд ли когда-нибудь превзойдет самого Вассермана, но сейчас сработал быстро и грамотно. Звездолет чуть заметно вздрогнул – пожалуй, не ожидай собравшиеся этого, и не заметили бы, все же инерция у «Петра Великого» под стать имени, запредельная. А затем в атмосфере Нового Иерусалима вновь полыхнуло, только масштабнее и ярче. И, разумеется, с большими последствиями – на этот раз порция излучения дошла до поверхности, принесла с собой проблемы. Конечно, лучевой удар не столь велик, чтобы кого-нибудь убить... при условии оказания своевременной медицинской помощи, разумеется, но паники добавит, а главное покажет, что шутить никто не собирается и поторопит с принятием решения.

Изображение на экране заморгалось, подернулось рябью помех. Все правильно, как бы ни был устойчив канал связи, на такие раздражители его никто не рассчитывал. Впрочем, специалисты внизу были неплохие, и уже через несколько секунд переговорщик Нового Иерусалима выдал на неплохом английском:

– Кто вы и что вам здесь надо?

– Здравствуйте, я ваша тетя.

– Чего? – у переговорщика отвисла челюсть.

– Уговорили, я ваш дядя, – продолжил ерничать Вассерман. – Слушайте, молодой человек, вам никогда мама не рассказывала, что прежде, чем начать разговор, вежливые люди представляются?

– Да вы...

– Обидеть хотите? – не дал ему закончить Вассерман. – А зря, батенька, зря. Как говаривал незабвенный Гитлер, обидеть художника может каждый. Не каждый его обиду переживет.

– Это сказал не Гитлер, – давась от смеха, влез в разговор кто-то из офицеров.

– А вы меня не поправляйте, я вам не трусы.

На сей раз грохнула смехом вся рубка, а физиономию на экране перекосило от гнева. Похоже, ее хозяин не привык к такому обращению. Внимательно наблюдавший за мимикой собеседника профессор четко уловил этот момент и вскинул руку. Смех мгновенно стих, и в рубке воцарилась напряженная тишина.

– Могу вас обрадовать, – на этот раз голос Вассермана звучал холодно и жестко. – Задница у вас на месте.

– Что-о? – теперь собеседник был уже красным от гнева. Как-то непрофессионально... Впрочем, обкатавший навыки на студентах, Вассерман именно этого эффекта и добивался. Разозлить, вывести из себя, показать, что ты своего оппонента в грош не ставишь – а дальше можно управлять разговором, как угодно.

– А что, вас не учили, что пока есть задница, приключения не закончатся? Вы их нашли, с чем вас и поздравляю. Ну кто вас, спрашивается, заставлял лезть в игру взрослых дядек? Сейчас вы будете расхлебывать по полной.

– Не много ли вы себе позволяете?

– Вам говорили, что хорошо связанная лесбиянка вполне сойдет за натуралку? Так вы как раз в ее положении. Это мой корабль держит вас под прицелом, а не вы меня. И если мы не сможем договориться, я прикажу начать бомбардировку. В конце концов, если я не получу того, что мне надо, добровольно, то просто обберу труп. Добыча будет поменьше... А может, и нет. Как, проверять будем?

Главное в такой игре самому верить, что исполнишь обещанное. Иначе почувствуют фальшь – и все, пиши пропало. Вассерман честно старался, но не был уверен, что у него все получилось, как надо, а потому сразу задействовал аварийный вариант. Все переговоры ретранслировались на планету, так, чтобы ее жители тоже знали, что происходит. Если что, всегда можно попытаться всколыхнуть местных, которым вряд ли хочется умирать из-за чужих ошибок. А давление еще и со стороны обывателей, которые, как это не раз уже случалось в истории разных стран, могут не справившееся правительство и на фонарях развесить, окопавшиеся на планете богоизбранные правители вряд ли смогут выдержать.

– Прониклись? Вижу, прониклись. А теперь с вами будет заниматься специалист. Чтобы беседовать с такими, как я, вы еще не доросли.

Место Вассермана перед экраном заняла Камова. А что? В своей конторе она специализировалась именно как специалист по ведению душевных бесед – так пускай и приступает. У нее, в отличие от привыкших воевать на расстоянии офицеров дредноута, опыт общения с врагом глаза в глаза больше, а сантиментов даже меньше, чем у самого Вассермана. А что возраст юный – так в нынешней позиции выиграть может и младенец. Впрочем, еще в системе Великой Нигерии, глядя на то, как она допрашивает пленных иерусалимцев, давя возражения с легкостью и неотвратимостью асфальтового катка, профессор понял, что у девчонки есть талант переговорщика. А раз так – пускай работает.

Система планеты Урал. Это же время

– Не возражаете, если я закурю?

– Мне без разницы, хоть застрелитесь.

Гуттенберг пожал плечами. За последнее время он уже привык к тому, что люди, ранее бледнеющие от одного лишь взгляда главного финансиста планеты, ныне смотрят на него холодно и свысока. Вот и эта молодая выскочка, вместо того, чтобы отнестись с должным уважением к его возрасту и капиталам, лишь уголком рта дернула да вытяжку включила. А главное, и не сделаешь ей ничего. Пока, во всяком случае.

Разговор длился уже больше часа, но все его доводы разбивались о непрошибаемую убежденность соплячки, как о стену. На любые, самые неопровержимые доводы и расчеты следо-

вало лишь: адмирал так не считает. И все, хоть головой о стену бейся. Впрочем, если верить слухам, подтвержденным агентурными данными, адмирал к ней благоволит. И даже не скрывает, почему...

– И все же...

– Сергей Абрамович, хватит тратить свое и отнимать мое время, – невозмутимость девицы на сей раз дала трещину, и из-под нее выглянул раздраженный офицер. Из тех, кто при нужде выстрелит, не раздумывая. Таких идеалистов Гуттенберг всегда... нет, не боялся, но опасался уж точно. – Я не поддерживаю предлагаемую вами схему изменения финансирования перед Советом. А будете настаивать – заблокирую ваше решение.

Банкир скрипнул зубами. Проклятие! Эти дилетанты не понимают даже, от чего отказываются. И, главное, без поддержки военных провести его план через Верховный Совет – дохлый номер. А ни Устинов, ни Лурье, ни эта дурочка не соглашаются. И, черт побери, что маршал, что она имеют право блокировать решение еще на уровне банка. После того случая, когда сынок подложил ему, Гуттенбергу, свинью, Устинов имеет достаточную долю акций. Как и Александров, оставивший на время отсутствия право принятия решения своей шлюшке. И теперь ее слово весит едва ли не больше, чем мнение самого банкира!

– В таком случае, разрешите откланяться, – Гуттенберг, с трудом сдерживая раздражение, встал. – Приятно было пообщаться.

– Взаимно, – девушка встала, проводила гостя до дверей, а потом, когда они закрылись, с облегчением рухнула в кресло и выдохнула. Все! Как же он надоел! И ведь не объяснишь ему, что не все решается деньгами. Да, очень грамотно сделанные расчеты, образования Николаевой вполне хватало, чтобы это понять. И результат практически наверняка будет. Но вот работу верфей даже кратковременное изъятие финансов задержит, а значит, флот недополучит корабли и орудия. Достаточно один раз постоять под обстрелом, чтобы понять, насколько это чревато.

Нет, конечно, в каждом человеке можно найти что-нибудь хорошее. Если его хорошенько обыскать. Но обыскивать нынешнего визитера... Да ну его! И, кстати, этот умник пытался подкатить с комплиментами. Ирина с трудом сдержала тогда хихиканье. Интересно, какотреагирует адмирал, если... Нет! Когда узнает. Но вообще, этому удачливому сперматозоиду уже больше полувека, а все туда же, пытается других обгонять. Смешно...

А вообще, Гуттенберг поражал своим упорством. С каждым ведь поговорил. С каждым! Притом, что еще когда он попытался действовать через Устинова, маршал собрал их троицу, как имеющих среди военных наибольший политический вес на планете. Ну да, а куда деваться? Маршал – член Верховного Совета, Лурье туда входит как представитель расквартированных на планете военно-космических сил, ну а Ирина на время отсутствия представляет самого адмирала Александрова. Они собрались, обсудили предложения банкира, выработали общую линию поведения... Неужели Гуттенберг и впрямь считает, что только деловые люди могут находить общий язык и поддерживать друг друга?

Ирина задумчиво побарабанила пальцами по краю стола. Смешно. Еще недавно она считала, что просидит на родной планете всю жизнь, а теперь ей спокойнее в космосе, на борту своего флагмана, где нет места интригам. Здесь же иные представители мыслящей фауны страшнее вражеских снарядов. Впрочем, терпеть осталось всего ничего. Вечером старт.

Ирина усмехнулась, вспоминая. Когда Лурье сообщил, что его корабль выводят из дока на два месяца раньше, чем ожидалось, идея направить помощь Александрову родилась практически у всех одновременно. Однако закончивший ремонт корабль и боееспособный линкор – вещи совершенно разные. Да, гениальные инженеры и отличные рабочие совершили небольшое чудо, сумев в такие сроки ввести в строй искореженный звездолет. Но мало ли что! Да и характеристики корабля изменились. Его еще недели две, как минимум, гонять на всех режи-

мах, а время-то уходит! Вот тут и пришла ей в голову мысль, которую, после обсасывания, признали заслуживающей внимания.

В конце концов, для обороны планеты можно оставить и «Суворова», как раз его обкатать успеют. Совместно с «Пересветом», да еще поддержанные легкими кораблями, они – сила. Истребители и штурмовики базируются на планете и ее спутнике, Геркулесе. Старую базу расширили, обновили, и сейчас там мощная группировка, благо те же истребители заводы штампуют со скоростью невероятной. Пилоты вот только... молодняк, но натаскивают их серьезно. Так что, говоря по чести, в авианосце сейчас нужды нет. Его вместе с «Севастополем» и «Новороссийском» вполне можно перебросить на помощь Александрову, благо их ходовые характеристики после модернизаций, проведенных на верфях Урала, вполне соответствуют его собственным кораблям. Защита и вооружение чуть слабее, конечно, однако все равно линкоры остаются линкорами. А других авианосцев, кроме «Гангута», под рукой все равно нет.

Пожалуй, единственным минусом был приказ адмирала, четко и недвусмысленно требующий сидеть дома. Но ведь Александров не мог знать об изменении обстановки! К этому выводу пришли единодушно, и даже Устинов ничего не смог возразить. Поэтому мнение о том, что «помощи – быть», восторжествовало, и единственным воздержавшимся оказался Лурье. Почему? Ну, потому, что рассчитывал сам быть в первых рядах.

Увы, здесь и сейчас ему ничего не светило, и даже адмиральские погоны не помогали. Ирина подчинялась Александрову напрямую, а ее эскадра – ей и только ей. Отменить приказ старшего по званию Лурье не мог физически. Да и потом... Статус его был сейчас довольно интересным. Вроде бы и контр-адмирал, но формально командовал только своим линкором и кораблями ближнего радиуса. И его, конечно, уважали, но не любили. Молодняк, который по определению буен и склонен к максимализму, мог и послать. А ведь экипажи кораблей, которыми командовала Николаева, почти сплошная молодежь. Ирину они видели в деле и уважали, а Лурье все еще оставался чужаком. И сам Лурье понимал, что добиться от них эффективной работы у него вряд ли получится. Впрочем, он моментально утешился – в последнее время француз полагал, и не без основания, что сестра Корфа смотрит на него чуть иначе, чем просто на сослуживца брата.

Еще одним моментом, слегка подсластившим пилюлю, был тот факт, что скоро ожидалось возвращение «Петра Великого», автоматически попадавшего под командование старшего по званию. В том, что Вассерман скоро пригонит домой своего монстра, никто не сомневался – о сражении в системе Великой Нигерии, да и о его результатах, знали уже все. Буквально вчера вернулся курьерский корабль, привезя домой едва живого пилота. Как он ухитрился еще и звездолет вести, никто не понимал, врачи лишь плечами пожимали. Но сведения, которые доставил капитан-лейтенант Кольм, стоили риска. Хотя, конечно, многие недоумевали, почему раненый, перенесший кучу операций и накачанный лекарствами так, что из ушей капало, офицер решил вести корабль сам. Как будто там других пилотов нет! Кольма почти сразу по прибытии увезли в реанимацию, где врачи все еще боролись за его жизнь. Тем не менее факт оставался фактом: Вассерман разгромил флот Нового Иерусалима и отправляется к нарушителям спокойствия с ответным визитом. Стало быть, еще две-три недели – и вернется.

Ну и еще... Правда, об этом Николаева пока не знала. На Эль Рияде было захвачено многое, и в число трофеев попала информация. Александрова тогда интересовали сведения о промышленном, военном, технологическом потенциале арабов. Конечно, они априори уступали тому, что имела Конфедерация, но и в навозной куче можно случайно найти алмаз. Вряд ли, конечно – ну а вдруг? Плюс арабы вели довольно активную разведку за пределами освоенных человечеством миров, а значит, у них могли найтись эксклюзивные сведения о пригодных для колонизации планетах, месторождениях сырья... Да мало ли о чем! А так как на месте разбираться времени не было, то уральцы просто тупо копировали содержимое трофейных серверов – дома специалисты разберутся.

И разбирались ведь потихоньку, хотя ценность добычи оказалась не столь и велика. Ожидаемый результат. Вот только Лурье, принимавший в процессе деятельное участие, накопил кое-что. Личное. И сейчас находился в состоянии легкой прострации. Жизнь разом дала трещину во всю задницу, и кое-какие приоритеты сейчас не то чтобы сместились, а мягко колебались. Классика переоценки ценностей, что сказать...

Ирина вздохнула, аккуратно выключила терминал. Все, дела здесь окончены, вещи, которые она решила взять с собой, уже на корабле, за строительством присмотрит мать. Нормально, в общем. Пора и самой отправляться. Конечно, время до отлета еще есть, но надо и самой посмотреть, что творится, хозяйским взглядом. А то мужчины, если оставить их одних, обязательно чего-нибудь забудут или напутают. Лентяи же, пусть и не поголовно, завалятся спать – хрен добудешься. И не после работы, а вместо нее. Так что присутствие матери-командирши обязательно. Известно же, что только когда первая обезьяна взяла в руки палку, вторая начала работать!

Система планеты Эль Рияд. Восемь часов спустя

Врага надо стрелять, а не пугать. С этой мудростью предков адмирал Касиваги был полностью согласен, а понесенные недавно потери лишь подхлестывали его желание выпустить кишки всем, кто попадется на пути. Однако он нашел в себе силы удержаться от желания рвануть вперед на максимальном ускорении. Не потому, что боялся, а из-за понимания: ускоренный износ двигателей не пойдет кораблям на пользу. Им еще драться, вначале здесь, а потом с уральцами. Русские же – противник опасный, что уже не раз доказали. Ресурс стоило поберечь, соответствующий приказ был отдан. Флот двигался к Эль Рияду неторопливо, с уверенностью селевого потока и аккуратностью чертежника.

Принц Фейсал тоже не торопился. Говорят, перед смертью не надышишься. Ощувив на лице близкое дыхание старушки с косой, молодой комфлота не собирался ее торопить. Вместо этого весь запас мин выставлялся в окрестностях планеты, чтобы хоть немного помочь обороняющимся. Гарнизоны крепостей готовились к обороне, хотя прекрасно понимали, что силы неравны. И все равно, большинство космонавтов, какой бы стране они не принадлежали, просто так не сдаются. Из особого теста, видать, сделаны.

Слабым местом эскадры Касиваги было то, что в распоряжении адмирала было только шесть мониторов. Большого просто не оказалось под рукой, когда он уходил в поход. С другой стороны, это вряд ли являлось на данном этапе по-настоящему серьезной проблемой. Боевые станции Эль Рияда – жуткое барахло. Конструкции-то прочные, если не трогать лишний раз кривыми арабскими ручонками, еще не одно десятилетие прослужат, но вооружение – старье. Мониторы смогут уничтожить их, не входя в зону эффективного противодействия. Проще говоря, будут лупить издали, оттуда, где огонь крепостей не причинит им вреда. Или из-за запредельного снижения точности, или, что вероятнее, из-за деградации энергетического заряда, который с увеличением дистанции теряет фокусировку и рассеивается в пространстве. Конечно, еще десяток-другой мониторов не помешал бы, но и шесть... В общем, им придется дольше возиться, только и всего. Ну и ладно, заодно артиллеристы лишний раз потренируются. Время же терпит. Тем более эффективность огня можно повысить, оптимизировав дистанцию обстрела, благо орудия крепостей для мониторов все равно не опасны. Именно так рассуждал Касиваги – и ошибся.

Фейсал хорошо помнил наставления уральского адмирала. «Весь огонь – мониторам. Первый залп – внезапный. Если уничтожить мониторы, им придется ввести в бой линейные корабли, а у тех не такие дальнобойные орудия. Им придется приблизиться, и тогда вы хоть как-то сумеете ввести в дело орудия всех крепостей. Это ваш шанс продержаться». А еще он понимал, что Александров придет ему на помощь только в случае, если он, Фейсал, сумеет втянуть противника в ближний бой. Уральцы честно его об этом предупредили, и принц не

обижался, во всяком случае, в открытую. В конце концов, Александров помогает ему ради своей планеты, а не из любви к Эль Рияду, это было ясно сразу. Как человек, тем более молодой, с остатками идеализма, принц мог чувствовать себя обиженным и оскорбленным сколько угодно. Как офицер и политик, пускай и начинающий, понимал, что сам поступил бы так же.

Между тем, мониторы начали перестроение, не очень четкое, но и без грубых ошибок. Касиваги не стал зря мудрствовать, классическая «стена» его вполне устраивала, и уже через каких-то полчаса начался обстрел орбитальной группировки Эль Рияда. И вот тут Фейсалу довелось еще раз убедиться в том, что уральцы неплохо разбираются в тактике. Как они и предсказывали, восточники выбрали в качестве мишени одну из крепостей первого класса. Их и было-то всего две...

«Мы можем успеть перевооружить или две крепости второго класса, или одну первого. Рекомендуем вариант с двумя крепостями».

«Почему?»

«Две крепости в любом случае обладают лучшей боевой устойчивостью, чем одна. К тому же они меньше габаритами, а значит, при прочих равных, защитное поле на них имеет меньший радиус и, соответственно, более высокую напряженность, что позволит дольше терпеть обстрел. А главное, противник с большой долей вероятности выберет в качестве приоритетной цели ту крепость, которую будет считать наиболее мощной, оставив мелочь «на потом». На этом тоже можно сыграть...»

Александров вновь оказался прав. Первый залп мониторов обрушился на крепость «Ясриб»¹. Но одновременный залп – штука тонкая, и полноценной синхронизации не получилось. Силовое поле крепости шутя отразило удар, который, будь он нанесен действительно одновременно, погасил бы защиту моментально. И тут же последовал ответный залп, как и предполагалось, не причинивший мониторам ни малейшего вреда.

Второй залп восточники готовили долго. Так долго, что арабы успели за это время дать по ним целых три залпа. Оно и неудивительно. Мало того, что перезарядка орудий на мониторах разных типов, построенных на верфях разных государств Ассоциации, да еще и относящихся к разному поколению, занимала различное время. Это, в конце концов, не так уж и страшно. А вот то, что резко отличались скорости движения снарядов и, соответственно, они имели разное подлетное время – это уже серьезнее. В принципе, неудача первого залпа и была связана с этим неучтенным артиллеристами нюансом. Однако на втором они полностью реабилитировались. Силовая броня «Ясриба» полыхнула ослепительно белым и погасла, но долг свой выполнила до конца. Хотя крепость и осталась «голой», ее конструкции не были повреждены и орудия, пускай и без особого толку, работали.

Третий залп мониторы дали вновь нестройно и неточно, по готовности. Крепость уходила на теньевую сторону планеты, восточники торопились и, как это частенько бывает при спешке, получили обратный результат. Всего два попадания нанесли громадной, размером с три линкора, космической станции не очень серьезные повреждения внешней обшивки. А вот орудия мониторов оказались на несколько минут разряжены, что и предопределило дальнейший ход боя.

Две боевые станции второго класса – далеко не самый грозный аргумент в споре с ударным флотом. Даже перевооруженные. Даже с усиленной защитой. Но случается, что шестерка бьет туза, особенно если она козырная. Фокус был в том, чтобы применить возможности станций в нужное время и в нужном месте, грамотно используя эффект внезапности. И это Фейсалу неплохо удалось.

В момент, когда станции «Джидда» и «Эль-Хубар» открыли огонь, висящие на безопасном, как им казалось, расстоянии мониторы перезаряжали орудия. В отличие от классических

¹ Оазис, на месте которого построен город Медина, один из священных городов ислама.

артиллерийских кораблей им, несущим орудия монструозного калибра, сделать это было куда сложнее. Там, где накопители линкоров обеспечивали возможность длительного ведения огня, мониторы разряжали их в два-три залпа. И сейчас им приходилось срочно накачивать орудия напрямую, с помощью реакторов. Энергии-то реакторы выдавали океан, но мощности им не хватало, и потому накачка шла неспешно. Для ее ускорения были отключены все вспомогательные потребители энергии и снижена мощность силовой защиты. В тот момент это казалось неплохим решением, все равно артиллерия крепостей доказала свою полную несостоятельность. Но тут ударили орудия модернизированных станций, и все разом встало на свои места.

Из шести мониторов три погибли мгновенно и практически одинаково, как под копирку. Просто взорвались, окрасив космос очередным фейерверком. Эффектно, красиво и совсем не страшно, если не думать о том, что несколько сотен человек превратились в облачка испарившегося углерода. Впрочем, это произошло мгновенно, и они не успели даже ничего почувствовать.

Четвертый монитор вроде бы выдержал, но спустя несколько минут из него, как блохи из дохлой лисы, начали выпрыгивать в космос фигурки в скафандрах. Причина столь странного поведения оказалась прозаической – жить им хотелось. Еще через некоторое время корабль начал словно наливаться изнутри призрачно-красным светом. На этом, правда, внешние изменения и прекратились. Ярko светящимся маячком звездолет поплыл в сторону от места боя.

Причины случившегося выяснились позднее, когда спасательными кораблями были подобраны некоторые уцелевшие космонавты. Как оказалось, на корабле после нескольких крепких плюх, полученных от крепости, пошел вразнос реактор. Автоматика, уже серьезно поврежденная, штатно сработать не смогла, но и взрыва не допустила. В результате в недрах монитора разыгралась уникальная по характеристикам термоядерная реакция, раскалившая корабль изнутри до температуры в несколько тысяч градусов.

Два избежавших участи собратьев монитора тоже в дальнейшем бою принять участия не могли. Носовая часть одного была в буквальном смысле слова отперфорирована. Около тридцати пробоин размером от мелкой монеты до трехметровой дыры. И, хотя экипаж практически не пострадал, потеря огневой мощи составила порядка восьмидесяти процентов. Ну и последний из участников боя лишился половины борта и потерял ход. Штурмовая группа восточников перестала существовать.

И вновь оставался еще шанс отступить. На фоне таких потерь какой-нибудь адмирал из Конфедерации, скорее всего, так и сделал бы. Тем более имелся неплохой шанс выйти сухим из воды, переложив вину на разведку, не предупредившую о сюрпризах противника. Но у японцев свой менталитет и собственная логика, заметно отличающиеся от европейских. И вновь Александров смог предсказать поведение Касиваги...

Никто из находящихся в рубке не заметил скользнувшей по его губам улыбки. Да, японец не обделен талантами, но раскрыть их может лишь до боя. Если же он начался, то издержки менталитета всерьез зажимают ему пространство для маневра. Следовательно, красивых решений от Касиваги стоит ожидать, лишь когда ему ничего не останется, кроме как отбросить в сторону гордость и начать выкручиваться. А до тех пор таланты не приносят успеха. Это с ним уже случалось, не зря Александров тщательно изучал всю информацию о сражениях, в которых участвовал Касиваги, какую только смог достать. И сейчас непобедимый японец, сам того не понимая, выглядел до ужаса предсказуемо.

Эскадра восточников вновь перестраивалась. Опять в классическую «стену», но сейчас первыми шли линкоры и линейные крейсера. Перестроение шло под непрерывным обстрелом – сейчас крепости уже не старались замаскировать свою огневую мощь, но восточники более не повторяли прежних ошибок. Корабли укутались силовыми полями и уверенно держали обстрел, а легкие корабли прятались за ними. Из стартовых колодцев авианосцев выва-

ливались, подобно разгневанным пингвинам, новейшие, только-только принятые на вооружение истребители-бомбардировщики «Мицубиси Х100», идеально приспособленные (ну, так считали военные теоретики Ассоциации) для околопланетных сражений.

Минное поле, на которое после успеха первой атаки принц Фейсал возлагал определенные надежды, восточники прошли, не заметив. «Стена» его просто продавила, расстреливая из зениток и отражая защитными полями те немногие мины, которые все же ухитрились пробиться через густую сеть лазерных трасс. И буквально через несколько минут вся эта мощь обрушилась на укрепления Эль Рияда и смяла их.

Крепости отбивались отчаянно, однако на этот раз шансов у них не оставалось. Сосредоточенными залпами выбив вначале артиллерию «Эль-Хубара», а потом сорвав с орбиты и уронив в атмосферу разваливающуюся на куски «Джидду», восточники взялись за их не прошедших модернизацию собратьев. И пускай те, хоть и с трудом, сейчас дотягивались до атакующих, принципиально это мало что меняло. Недостаток крепостей – плохая маневренность даже в пределах орбиты, и восточники мастерски выбивали их по одной.

Не спас расклады и фланговый удар кораблей Эль Рияда. Проведен он был вполне грамотно, даже, можно сказать, мастерски, но сейчас Касиваги был в своей стихии, предугадав и момент, и направление, откуда арабы попытаются контратаковать. И, когда из-за одного из малых спутников планеты вырвались прячущиеся в его тени корабли, их встретили дружным залпом. Линкоры же Эль Рияда, даже наспех модернизированные, не шли ни в какое сравнение с кораблями Ассоциации. Да и легкие силы, откровенно говоря, классом не блистали.

Все столкновение заняло какие-то секунды. Сблизиться, обменяться ударами, отвернуть... Эль Рияд потерял четыре линкора из шести и большую часть кораблей эскорта. Касиваги лишился уже поврежденного линкора «Хюга» и трех эсминцев. Фактически на этом сражение закончилось, и восточники, шустро добив крепости, начали подготовку к высадке десанта.

– Ну что же, господа-товарищи офицеры, подведем предварительные итоги, – Александр потер ладони. – Хуже, чем хотелось бы, но лучше, чем могло быть. Думаю, пора. Сопротивление Эль Рияда слабеет.

Сопротивление действительно слабело. Если верить непрерывным потоком идущей с планеты информации, дрались сейчас только истребители прикрытия. Дрались отчаянно и оказались весьма многочисленны, но... арабы никогда не были хорошими пилотами. Однако пока кипела схватка, пока космос полыхал, а внизу, у поверхности, мельтешили атмосферники, высадка десанта была чревата серьезными потерями. Не то чтобы это всерьез беспокоило восточников, чье отношение к жизни солдат всю историю оставалось чисто утилитарным, вот только именно сейчас они не могли себе их позволить. Большие потери десанта поставят крест на дальнейшей операции, и потому на этом этапе жизни людей приходилось беречь.

Результат вышел закономерным. Флот восточников вынужден был ввязаться в не слишком опасную, но крайне нудную возню. Распугивать истребители и давить расположенные на поверхности планеты зенитные комплексы – задачка не для слабонервных. Разбомбил одного, начал высадку – а рядом в засаде другой оказался, и прежде, чем его угомонят, он с десятков ботов собьет запросто.

Зенитные батареи, конечно, по эффективности уступают корабельным орудиям, но зато на несколько порядков дешевле, а потому наклепать их можно массу. Вот и приходится тщательно, педантично, да еще и по нескольку раз сканировать поверхность планеты, аккуратно зачищая любые подозрительные места и отмахиваясь при этом от истребителей, обвешанных оружием, которым броню, конечно, пробить сложно, зато антенны разбить можно запросто. Уже к исходу второго часа операции Касиваги малодушно подумал о том, что проще было бы выжечь эту планету к демонам космоса. Не стоит она тех усилий, которые прикладываются для обеспечения штурма. Увы, отступить было уже поздно.

Момент истины наступил через пятнадцать минут. Именно тогда Касиваги затеял очередное перестроение – эсминцы и даже крейсера в условиях плотного насыщения планеты зенитными комплексами оказались малоэффективными. А для ракет, которые несли истребители Эль Рияда, напротив, весьма уязвимыми. Потеряв несколько кораблей и поняв, что продолжать штурм с применением традиционной тактики бесполезно и опасно, Касиваги двинул в атаку свои линкоры. С низких орбит гигантские корабли, способные при необходимости выжечь поверхность планеты, могли разом подавить сопротивление. При этом относительно легкое вооружение обороняющихся не могло причинить им вреда. Правда, оставалась еще вероятность, что вернутся два уцелевших линкора Эль Рияда, но три линейных крейсера были вполне адекватной страховкой от такого поворота. И менее всего Касиваги ожидал, что на него обрушится уральский флот.

Александров, выводя на позиции корабли и готовясь к атаке, не торопился. Он ждал от Касиваги именно этих действий. Ждал потому, что сам на месте японца поступил бы примерно так же. И, когда линкоры начали маневр, лишаясь возможности разогнаться, а главное, маневренности, уральский адмирал сделал, наконец, свой ход.

Сейчас оченьгодились бы ракетноносцы, но, увы, громоздкие и обладающие скверной динамикой корабли сложно было маскировать, поэтому все они были до поры сосредоточены в системе Нового Амстердама. Впрочем, может, это и к лучшему – промах ядерной ракетой с высокой долей вероятности ее взрыва в атмосфере мог нанести Эль Рияду жуткий урон. Не то чтобы чужие планеты особо волновали Александрова, но все же они сейчас были союзниками. Некрасиво, да и свои же не одобряют.

Пришлось делать ставку на тяжелые артиллерийский корабли. Для планеты тоже небезопасно, однако плазменные облака все же не столь страшны для экологии. Да и потом, основной целью Александрова стали не линкоры, а линейные крейсера и авианосцы, которым Касиваги сейчас просто не успевал помочь. Ну и, конечно, силы эскорта, которым не повезло оказаться на пути атакующих гигантов.

«Стена» из трех линкоров и четырех линейных крейсеров продавила эскорт Касиваги в какие-то секунды. Не ожидавшие атаки и не успевшие даже толком построиться корветы, фрегаты и эсминцы порскнули в стороны, подобно вспугнутым воробьям. Крейсерская группа поступить так же не смогла – эти корабли физически не способны были разогнаться так же интенсивно, как их младшие братья, и приняли безнадежный бой. В принципе, им ничего больше и не оставалось, и вся совокупная мощь уральской эскадры обрушилась на крейсера восточников.

Это сложно было назвать боем – скорее, избиением. Со стороны все это могло показаться бесчестным, но в космическом сражении играет роль только результат. А он был ожидаем. Крейсера для поединков с кораблями «стены» никогда не предназначались, их силовые поля не рассчитывались на противодействие главному калибру линкоров, а орудия, неплохо подходившие для борьбы с транспортными кораблями и разгона эсминцев, оказались неспособны бороться с тяжелобронированными гигантами. И линкоры били по ним прямой наводкой, разнося все, до чего могли дотянуться.

Космос запылялся, а когда экраны, ослепленные близкими взрывами, вновь смогли начать передачу видеoinформации, врага уже не было. Из десяти крейсеров восточники потеряли девять, и детали того, как это произошло, остались за кадром, растворившись в буйстве пламени. Лишь один крейсер, «Ин-Суэй», сумел уцелеть. Его командир, проявив редкое мастерство и столь же редкое для восточников наплевательское отношение к инструкциям, форсировал двигатели и заложил вираж с ускорением, в разы превышавшим любые расчетные значения. Как разгоняющийся крейсер от запредельных перегрузок не сложился пополам, тайна великая есть, но факт остается фактом. «Ин-Суэй» смог-таки уйти, однако это ничего не меняло – в бою он больше участия не принимал.

Линейные крейсера восточников между тем разворачивались навстречу новой угрозе, открыв огонь, сколь частый, столь и неприцельный. Там, видимо, очень испугались. Трое против семи, к тому же индивидуально более мощных, не самый лучший расклад. И все же первый удар восточники смогли выдержать и ответить уже более согласованно. Даже пробили защитное поле «Апраксина», но сам линкор отделался лишь контузией по носу и удержался в строю – спасла толстая броня. Словом, завязался вполне обычный, можно сказать, классический бой, в котором одна сторона давила, спеша побыстрее уничтожить врага, но при том не желая рисковать, а другая отчаянно сопротивлялась, надеясь на скорый подход помощи. И ситуация на несколько минут зависла в состоянии хрупкого равновесия.

Пока тяжелые корабли развлекались, отвешивая друг другу плюхи, из-за «стены» уральцев выдвинулась группа легких кораблей, которым в развернувшемся сражении пока не было места. Вот позже, когда сопротивление восточников удастся (если удастся) сломить – тогда да, а сейчас... Вот именно сейчас-то им в таком бою делать оказалось совершенно нечего, и Александров, планируя бой, предусмотрел этот момент. Если конкретно, он решил взять в оборот авианосцы противника, которые оказались в крайне интересном положении. С одной стороны, их авиагруппы наглухо в бою практически в полном составе и вернуться к кораблям-маткам сейчас никак не успевали – слишком большую петлю, огибая сцепившихся в клинче гигантов, им пришлось бы сделать. С другой же авианосцы находились несколько в стороне от места боя и непосредственной опасности вроде бы не подвергались. Вот эту опасную иллюзию Александров и намеревался срочно разрушить.

Отряд состоял из дюжины эсминцев, прикрываемых корветами, фрегатами, а также четырьмя легкими крейсерами. В их задачу входило дать отлуп силам эскорта восточников, которых вроде бы уже разогнали. Но всегда оставался шанс, что найдется какой-нибудь храбрец, который, придя в себя от шока, попытается вмешаться в одиночку, а то и перехватит командование несколькими кораблями, чтобы организовать контратаку. Наличие крейсеров означало, что подобные попытки обречены на провал, но главный удар наносили сейчас не они.

Авианосец – корабль весьма своеобразный. Если не принимать во внимание авиагруппу, то серьезного вооружения он (за исключением еще только строящегося на верфях Урала прототипа) не несет, только оборонительные зенитные комплексы. Но это здоровенная, отлично бронированная дура с мощным силовым полем, вполне способным отразить удар артиллерии крейсера. Но вот эсминцы...

Маленький по сравнению с тем же крейсером кораблик. Правда, все в этом мире относительно, рядом с корветом – великан, однако поставь его напротив того же авианосца... Блоха – не блоха, а вот на Моську супротив слона весьма похоже. Вот только у этих мосек имелись зубы, способные прокусить шкуру любого мамонта.

Когда эсминцы еще только рождались как класс, в моде была концепция универсального корабля. Вот ее и попытались реализовать сначала на эсминцах, потом на крейсерах, затем на крейсерах линейных... Потом концепция благополучно сдохла, а корабли и технические наработки по их конструированию остались. Развитие эсминцев не останавливалось, в конце концов сведясь к тому, что имелось в уральском флоте сейчас. По сути – те же ракетносцы, столь успешно дебютировавшие недавно, только быстроходные, маневренные, неплохо вооруженные, маленькие... и притом имеющие сравнительно малую автономность и несущие ракеты достаточно большой мощности, но, увы, ограниченного радиуса. Более дальнобойные вешать не получалось – габариты и жесткость корпуса не позволяли.

Вооружали такими недоракетами эсминцы, скорее, традиционно, и так же традиционно считали основным оружием, хотя за последние три десятилетия не имелось ни одного примера их использования в этом качестве. Крупные корабли несли достаточно вооружения, чтобы расстрелять эсминцы еще до того, как они выйдут на дистанцию атаки, чем беззастенчиво пользовались. Поэтому работать им приходилось или на добивание уже и без того обречен-

ных звездолетов, или против транспортов. В обоих случаях артиллерия оказывалась едва ли не эффективней ракет и вдобавок куда дешевле. Неудивительно, что славы этот класс кораблей не снискал, а потому строился по остаточному принципу, от чего его развитие практически останавливалось. Но вот здесь и сейчас расклады благоприятствовали, и эсминцы шли делать то, для чего они когда-то строились – атаковать тяжелые корабли массированным ракетным ударом.

На авианосцах угрозу оценили не сразу. Все же привычка всегда находиться под прикрытием мощного эскорта вырабатывает определенные стереотипы восприятия происходящего. Иногда, кстати, весьма далекие от реальности. Как сейчас, например. И пагубность заблуждений восточники осознали лишь в момент, когда сосредоточенный залп трех эсминцев ударил в защитное поле так и не успевшего ничего предпринять авианосца «Шанхай».

Все было рассчитано до секунды. Чтобы «погасить» защитное поле авианосца, теоретически хватало сосредоточенного удара двух кораблей. Александров, планируя эту атаку, заложил полуторный запас – мало ли, какая-нибудь ракета не долетит, другую сожгут, восточники защиту модернизируют... А второй попытки не будет, ракет у эсминцев на один залп. Не впишут их запас в скромный по размерам корпус.

Спустя двадцать секунд дал залп четвертый эсминец. И его ракеты подоспели к месту действия как раз в тот момент, когда защита «Шанхая», не выдержав перегрузки, лопнула, и потоки жесткого излучения успели немного рассеяться, не причинив ущерба боеголовкам. После этого восемь ракет взорвались прямо на обшивке авианосца. Две последние были даже лишними...

Огромный корабль, пожалуй, один из самых больших, построенных людьми, и уж конечно самый-самый из тех, что сходил с китайских верфей, просто исчез. Полыхнул во все стороны клокочущим пламенем – и все. Был корабль – и нет корабля. Облако разлетающихся в стороны обломков размером максимум с грецкий орех не в счет – их суммарная масса составляла процентов десять от первоначальной. Эсминцы, даже если они больше никуда не попадут, разом окупили затраты на свое строительство. А ведь атака продолжалась.

Авианосец «Ши Лан» был кораблем прошлого поколения – меньше, тихходнее, намного хуже вооружен и защищен. Тем не менее он сопротивлялся куда упорнее – экипаж звездолета видел, как уничтожили «Шанхай», и его командир успел проанализировать действия уральцев. Предупрежден – суть вооружен, и корабль сумел выполнить довольно удачный противоракетный маневр, ослабив нагрузку на щит. Силовое поле, правда, все равно «потухло», но столь резко, и это уберегло аппаратуру «Ши Лан» от пиковых перегрузок. Соответственно, в отличие от «Шанхая», его орудия не только были готовы к бою, но и действовать начали незамедлительно, благо перезагрузка систем не требовалась. В результате большая часть ракет не дошла до цели, а две попавшие изувечили звездолету корму, лишили хода, но не уничтожили окончательно. Впрочем, из боя корабль выбило надежно, и восстановлению он не подлежал – быстрее и дешевле новый построить. На всякий случай один из крейсеров отстрелялся по стартовому колодцу, окончательно лишив «Ши Лан» возможности принимать и запускать истребители, и группа продолжила атаку.

Откровенно говоря, даже уничтожение одного авианосца Александров считал бы безусловным успехом. Но атака продолжалась, и адмирал уже поверил в стопроцентный результат, когда что-то пошло не так. Мозг осознал происходящее чуть позже, чем глаза зацепило несоответствие, но это уже ничего не меняло. Рисунок боя развалился...

Капитан-лейтенант Фудзита, командир фрегата «Кари», был из тех людей, на которых держится любая армия. Ну или флот. Потомственный военный, история рода которого уходила далеко в глубь веков, еще к легендарным самураям, он мог гордиться своими предками. Мало кто из них сделал хорошую карьеру, но зато все они шли в бой не на дворцовом паркете, а на мостиках кораблей. Таким же стал и он. И такими же будут его дети, оставшиеся с матерью на далекой Эдзо. Ни их, ни родной планеты Фудзита уже не увидит, это он знал точно.

Он не сгорал со стыда, уводя свой корабль с линии атаки русских. Уральцы шли лавиной, и причинить им хоть какой-то вред он не мог физически. Длинноносые варвары смогли переиграть самого Касиваги – это о чем-то да говорило. Это – и еще тот факт, что корабли их были сильнее и к тому же успели выстроиться для атаки. Что могли им противопоставить эскортные корабли, жиденькая завеса которых оказалась как раз перед ними? Да ничего!

И все же Фудзита не потерял головы, как многие другие капитаны. Даже выходя из-под удара, он не бросился очертя голову прочь, чтобы оказаться где угодно, лишь бы подальше. Он уводил свой фрегат, прикрывая корабли с десантом, до последнего готовый вступить в неравный бой, но... им не заинтересовались. И десантными кораблями тоже.

Как профессионалу, логика уральцев Фудзите была понятна. Зачем отвлекаться? Никуда транспорты не уйдут, уж больно уступают боевым кораблям в динамике разгона. Наверняка их отслеживают. После боя спокойно догонят и расстреляют. Если же транспорты попытаются высадить десант, то до поверхности планеты доберется хорошо если десятая часть. Высадка на планету с неподавленной противокосмической обороной – то еще удовольствие. Особенно учитывая, сколь опасные формы жизни бродят там, внизу. А те, кто выживут, будут завидовать мертвым. Так что сейчас уральцы вполне могли позволить себе не обращать внимания на неповоротливые туши транспортов, и они, как ни странно, несмотря на практически полную беззащитность, находились пока в наименьшей опасности.

Сейчас Фудзита мог отступить без урона для чести, если бы уральцы не начали вдруг атаку на авианосцы. Здесь не пахло линейными кораблями, однако командир фрегата почти сразу понял, что происходит. Быстроходные и маневренные, легкие корабли легко настигали авианосцы. И самое обидное, что десятка таких фрегатов, как «Кари», было вполне достаточно, чтобы сорвать атаку. А ведь их было намного, намного больше. И фрегатов, и корветов, и эсминцев... Вот только все они сейчас улепетывали прочь.

Что же, долг самурая тяжёл, как гора; смерть самурая легка, как пёрышко. Стало быть, пришло время умирать. Фудзита зло ощерился. Надо всегда улыбаться. Кому-то искренне, кому-то – назло. Назло смерти, назло врагу, уже начавшему атаку, назло идиотам-командирам, загнавшим их всех сюда, на смерть. Корабль содрогнулся, разгоняясь, и Фудзита в последний раз в жизни захлопнул забрало гермошлема. Стравленный из отсеков воздух не спасет его фрегат, но поможет продержаться на несколько секунд больше. И неизвестно еще, что решат эти секунды.

С крейсеров устремившийся наперехват одинокий фрегат заметили вовремя и открыли огонь, но Фудзита каким-то чудом и божественным наитием сумел провести «Кари» сквозь огонь. Не отвечая, бросив всю энергию на лобовые щиты, он сумел... ну почти сумел добраться до врага. Когда бортовой залп крейсера превратил его корабль в облако раскаленных обломков, ему оставалось не менее секунды. Но эти обломки массой покоя в двадцать тысяч тонн продолжали лететь вперед достаточно плотной группой и, ударив в защитное поле ближайшего крейсера, проломили его.

Крейсер – корабль довольно-таки прочный, но он совершенно не предназначен для такого рода столкновений. Здесь не спасет никакая броня. Пожалуй, таранный удар «Кари» был бы опасен и для линкора. Столкновение привело к тому, что оба корабля превратились в гигантский ком перекрученного металла, разбрасывающий вокруг обломки размерами порой с добрые ворота, отброшенный прямо на строй эсминцев. Те, чтобы не попасть под удар (а мало ли куда швырнет мертвый, но со все еще работающими двигателями крейсер), шарахнулись в стороны. Заминка буквально на несколько минут, но за это время, купленное Фудзитой ценой своей жизни и своего экипажа, вокруг авианосца успели собраться несколько эскортных кораблей, чьи капитаны не потеряли окончательно головы. Да и сам авианосец получил неплохую фору и, форсируя двигатели, успел разогнаться. Догнать его было можно, вот только при этом

корабли уходили слишком далеко от основных сил, и с флагмана просигналили отмену атаки. Не окупались риски. Плевать, все равно результат оказался хорошим.

– Вот так вот, – Александров попытался стереть выступившие на лбу капли пота, но пальцы наткнулись на стекло гермошлема. – Пожалуй, нам стоит помнить, что и среди врагов иногда встречаются равные нам...

Молчание было ему ответом. Да, на погибшем фрегате были враги, но враги храбрые, способные отдать жизнь за свою страну. Нельзя не уважать. Однако это, как ни крути, был лишь эпизод, о котором вспоминать будут потом, когда-нибудь. Если до этого «когда-нибудь» доживут. Сражение продолжалось, и на сантименты времени банально не было.

Линейные крейсера восточников все еще сражались. Дрались, несмотря на то, что силовые поля их были частью пробиты, а частью и вовсе потушены. Продолжали сопротивление, хотя орудия уральцев уже рвали их корпуса, очевидно, надеясь на помощь. А помощи не было...

Линкоры Касиваги, маневрируя на орбите, пытались перестроиться, но Александров невооруженным глазом видел – идти на выручку избиваемым силам прикрытия они не собираются. Касиваги отлично понимал, что расклады не в его пользу, и даже если он успеет, на стороне уральцев и лучшая позиция, и более мощное вооружение. Учитывая же, что линейные крейсера уже всерьез избиты, преимущество русской эскадры в огневой мощи становилось подавляющим. Оставалось лишь одно – сбересть остатки эскадры, и Касиваги сделал то, чего и ожидал от него Александров. Отступил, а точнее, бежал – стоило назвать вещи своими именами.

Но все же Касиваги не был бы сам собой, не сделай он неожиданный ход. Все законы тактики требовали вырваться на оперативный простор и уходить – растеряв изначальное преимущество, адмирал обязан хотя бы спасти то, что еще можно. Вот только Касиваги понимал, что его догонят – уральские корабли пусть ненамного, но превосходят его линкоры в динамике разгона. А еще он не хотел, не любил и не умел проигрывать. И потому ход, который он сделал, был неожиданным и давал призрачные шансы если не на победу, то, во всяком случае, на почетную ничью.

Его маневр Александров наблюдал с чуть заметной улыбкой. Как легко, оказывается, предсказывать действия себе подобных. Достаточно поставить себя на их место. Ну и, конечно, заранее обеспечить противнику лазейку, чтобы он, не приведя Космос, не передумал. А то ведь и впрямь мог кинуться на помощь своим линейным крейсерам. Проиграл бы наверняка, но и плюх уральской эскадре навешать мог успеть изрядно, что Александрова категорически не устраивало. И сейчас Касиваги уходил в направлении... Нового Амстердама.

Плечо разгона там выходило короче, плюс можно было дополнительно разогнаться в гравитационном поле местной звезды. С учетом маневра по огибанию места продолжающегося сражения Александров догнать его уже не успевал. Очевидно, Касиваги рассчитывал или нанести удар по этой планете, или же, не останавливаясь, прорываться к Уралу. Что же, и там, и там найдется, кому его встретить и придержать до тех пор, пока линкоры уральцев не подойдут. И не расплющат Касиваги с неотвратимой эффективностью кузнечного молота. Там и разрыв-то будет вряд ли больше часа.

А вот следующего хода своего оппонента Александров не ожидал. Касиваги, как оказалось (а вот об этом уралец не подумал), мог не только выдумывать нестандартные тактические ходы, но и учиться на опыте противника. Сейчас он использовал бустеры, как не так давно Александров. Вот только беда была в том, что ускорители уральцев оказались выработаны еще в рейде к Малой Субару, и заменить их было нечем физически. И теперь предстояло на ходу менять рисунок боя, иначе время, которое выиграет противник, даст ему возможность растоптать сопротивление и нанести удар по обитаемым мирам. Или хотя бы по их космическим промышленным объектам, что, в перспективе, тоже смерти подобно. Проклятие!

– Игорь! – Александров рывкнул так, что, казалось, его можно услышать и без радио. – Корф, черт тебя подери!

– Да слышу я тебя, слышу, – раздалось через секунду сквозь треск помех. Голос контр-адмирала был по-немецки спокоен и невозмутим. – И не надо так орать.

– Видишь, что творится? – на сей раз голос адмирала звучал ровно. Впрочем, тех, кто его слышал, кажущее спокойствие командира не обманывало.

Фон Корф был моложе, младше по званию и не имел в себе генов идеального солдата, но в профессионализме Александрову не уступал. Что происходит и какими это неприятностями грозит, он понимал прекрасно. Именно поэтому он лишь кивнул. Впрочем, через секунду он сообразил, что видеосвязи нет, и ответил:

– Вижу. Что планируешь?

– Если оставлю тебе весь эскорт, сам здесь закончить сможешь?

Вопрос был не то чтобы риторическим. Хотя из трех линейных крейсеров восточников кое-как сопротивлялся уже только один – второй раскололо пополам внутренним взрывом, а третий напоминал решето и практически не отвечал на огонь уральцев, – оставался еще авианосец, который для начала требовалось догнать, и куча легких кораблей, разбежавшихся по системе. Их поймай, попробуй, а перед этим найди. Однако Корф не задумывался:

– Справлюсь. А ты?

– Догоню эту скотину.

– Тремя линкорами?

– А у меня есть другой выход? Все, работаем. Закончишь здесь – начинай рейд самостоятельно. Я постараюсь догнать. Если выживу.

Смысл приказа фон Корфу был ясен. Александров постарается догнать Касиваги и, скорее всего, догонит. Но по огневой мощи у японца будет перевес, и в самом лучшем случае уральский адмирал останется с избитыми кораблями. Гнаться всей эскадрой, не закончив дело здесь – значит, упустить противника, дать возможность командованию восточников подготовиться к неприятностям. Стало быть, Александров рискует, но терять время, ожидая его, нет смысла. И миссия по нанесению удара по ключевым планетам Ассоциации, операции, от которой, возможно, зависит исход всей войны, автоматически ложится на плечи сохранившей боеспособность эскадры линейных крейсеров. Что же, так сложились звезды.

– Я сделаю это. Но все же... постарайся остаться живым.

– Меня сложно убить, – хмыкнул Александров и отключил связь. Почти сразу его линкоры начали разворот, выходя из боя. Касиваги требовалось догнать любой ценой.

Система планеты Новый Иерусалим. Пять дней спустя

«Петр Великий» уходил от планеты так, как, наверное, тысячелетия назад уплывали в океан пиратские фрегаты, нагруженные золотом из разоренного города. Хотя, если быть до конца откровенными, их рейд как раз и был обычным пиратским налетом. Разве что совершенным на законных основаниях – в конце концов, иерусалимцы первые полезли куда не просят. Тем не менее сути это не меняло, да и результата тоже.

Помимо захваченного ранее «Ашкелона», уже загрузившегося и начавшего разгон для прыжка, рядом с дредноутом ползли два его собрата, нагруженные по самую маковку. Именно поэтому гигантский корабль двигался так медленно – двигатели транспортов просто не могли обеспечить им сравнимое с «Петром Великим» ускорение. Даже сейчас, когда дредноут сам тащил гроздь жестко сцепленных контейнеров, массой, практически не уступавшей ему самому и куда большей, чем у любого из трофейных грузовозов.

Вообще, больше всего геморроя было как раз с этими контейнерами. Трофеев взяли много, у Вассермана аж челюсть отвисла, когда Камова с милой улыбочкой сообщила ему, сколько контрибуции они получают с Нового Иерусалима. Только забирать надо все и сразу, а

то евреи – они такие евреи, обязательно как в себя придут, так и придумают что-нибудь, чтобы не отдавать. Ну да это Вассерман и сам прекрасно понимал.

Трофеями забили огромное количество контейнеров, что-то загрузили на транспорты, а остальное посредством сварки и какой-то матери соединили между собой и, с помощью наскоро сооруженных ферм пришвартовали к борту дредноута. Теперь «Петр Великий» выглядел скособоченным, да и двигался тоже соответственно. Неудивительно, что рулевые крыли неприличными словами хозяйственную переговорщицу.

Ругать-то ругали, а вот корабль вели аккуратно, чтобы, не приведи Космос, груз не потерять. Каждый член экипажа имел с этого свой процент и терять деньги не хотел. Так что звездолет разгонялся медленно, с усилием, но в то же время плавно настолько, что перегрузок, с которыми не всегда успевали справляться генераторы искусственной гравитации, не ощущалось. Пожалуй, впервые с начала похода они летели так комфортно.

Сейчас по корабельному времени царила глубокая ночь, но Вассерману не спалось. Очень уж хорошо он представлял себе, какими проклятиями его провожали на Новом Иерусалиме. Нет, профессор не был суеверен и на старые еврейские сказки плевать хотел с высокой колокольни. Вдобавок он придерживался жизненной философии, в чем-то схожей с философией древних стоиков. Не во всем, но в одном пункте уж точно: пусть куда бы нас ни послали – везде нам будет хорошо! Оно, конечно, так, но все же...

Да, Вассермана мало волновали несущиеся в спину вопли. Тем более произнесенные шепотом, чтобы не нарваться на залп главным калибром. Но вот когда он вернется...

О-о... то, что будет после возвращения, его реально пугало. Нет, не то, что уральские евреи подвергнут его обструкции. Не так уж их и много, да и сам Вассерман в их общество совершенно не стремился. Пошлет по всем известному русскому адресу, да и делу конец. Но ведь есть еще и мама!

Зная своих родителей немногим хуже, чем математику, Вассерман мог уверенно предсказать, что произойдет. Сначала мать, шмыгая носом и выплеснув море слез, будет пенять ему на то, что он воевал против евреев, а потом, когда доведет сына до нужной, как ей самой покажется, кондиции, из самых лучших побуждений вновь попытается его женить. И сопротивляться в такой ситуации... У-ух! Прямо хоть домой не возвращайся.

Неудивительно, что настроение у командира «Петра Великого»... Черт, а какое у него было настроение? Вассерман сам этого не мог понять. И уснуть тоже не мог, а потому решил с вопросом разобраться кардинально. В смысле, пойти в кают-компанию да набить брюхо чем Бог послал. Ничего на свете лучше нету, чем сожрать огромную котлету...

Кают-компания встретила его мягким, притушенным светом. Можно было усилить яркость, разогнав эту расслабляющую, почти интимную обстановку, но – зачем? Вассерман попросту выгреб из стоящего в углу холодильника кучу мелочевки, которую кок оставлял как раз на подобный случай, специально припасенный лично для него пакет с выпечкой и, прихлебывая густой и алый, словно кровь, томатный сок, приступил к трапезе. Только вот спокойно набить брюхо этой ночью ему не дали.

Шаги Вассерман услышал издали. Негромкие, но самую малость неуверенные. Услышал – и узнал, благо на его корабле все ходили достаточно бодро, с физической формой у космонавтов дело обстоит неплохо, а у десантников и вовсе отлично. Ничего удивительного, профессия военного на планете была сейчас невероятно популярна, и у новобранцев кондиции колебались в узком промежутке между отличными и невероятными. На фоне молодежи «старрики», ветераны в двадцать лет, тоже старались не отставать, что делу шло лишь на пользу. А потому такая походка, выражающая крайнюю степень усталости, была лишь у одного человека.

Кстати, человек этот старательно скрывал физическую слабость. Точнее, то, что быстро уставал. Крепился изо всех сил и в другое время не отличался от прочих, но, когда считал, что никто его не видит, расслаблялся. Плечи немного опускались, походка становилась такой вот,

как сейчас. Расслабляться он себе позволял редко, но от зоркого ока командира ничто не могло укрыться. Вот и сейчас засидевшийся в кают-компании Вассерман услышал его приближение издали и, когда он, ничего не подозревая, вошел, даже не обернулся. Лишь сказал:

– Что, Евгения Леонидовна, не спится?

– Ой!..

– Не бойтесь, я не кусаюсь.

– А я и не боюсь, – дерзко, чтобы скрыть испуг, отозвалась Камова, решительно направляясь к кофейному автомату. Походка, что характерно, стала уверенной, едва ли не строевой. – Просто не ожидала кого-то здесь увидеть.

– Я, откровенно говоря, тоже. Не спится?

– Да. Вроде бы устала, а никак не усну. Со мной такое бывает.

– Ну, тогда садитесь, пейте кофе... Круассаны любите?

– Люблю, – почему-то смущенно ответила Камова.

– Это хорошо. На камбузе не ищите, наши оглоеды все сожрали. Присаживайтесь, – Вассерман кивнул на стул напротив себя. – У меня здесь запас. Хе-хе, стратегический.

Увидев размеры «стратегического запаса», девушка лишь уважительно присвистнула и, не чинясь, села. Все же в ней, как, впрочем, и в самом Вассермане, несмотря на погоны, от штатского человека оставалось куда больше, чем от офицера. И аппетит тоже был хороший. Вассерман улыбнулся:

– Вам бы многие позавидовали там, на планете.

– Это почему еще? – спросила Камова. С набитым ртом слова у нее выходили вполне понятно, но немного смешно.

– А вам не опасно пополнеть.

– И почему вы в этом так уверены? – Евгения от любопытства даже жевать перестала.

– Ну, я самую малость напряг память и вспомнил вас. Ну, в смысле, какой вы были тогда. За три года вы не поправились. Это притом, что поесть вы любите.

– Зато вы, профессор, успели изрядно похудеть, – честное слово, Вассерман будто воочию увидел, как у Камовой поднялись иголки, будто у атакованного дикобраза. – Жена не кормит?

– А у меня ее нет, – пожал плечами Вассерман. – И никогда не было. А похудел... Знаете, когда у вас будет свой корабль, я посмотрю, как вы начнете терять в габаритах. Но мне было проще.

– Думаете?

– Знаю. Пока толстый сохнет, худой сдохнет. Впрочем, вам, я вижу, тема не очень приятна. В таком случае, перейдем к следующему пункту. Представление на следующее звание и на орден я вам подписал. Вернемся домой – адмирал утвердит.

– Уверены? – в голосе девушки звучал скептицизм.

– Мое – утвердит, – уверенно, с ноткой легкого превосходства заверил ее Вассерман. – Да и потом, заслуги ваши неоспоримы, тут никто не придерется. Кстати, у вас неплохо получается вести переговоры. Эти умники поверили вашим словам с первого захода. Даже я столько с них вряд ли стряс бы, да еще в такие рекордные сроки. Правы те, кто считает, что в каждой женщине сидит актриса.

– Я не играла, – безразлично пожал плечами Камова, с аппетитом вгрызаясь в очередной круассан. – Я знала, чего бояться те, кто считает себя истинными евреями, и обещала им как раз это.

Да уж, чем угрожать – она знала, с этим не поспоришь. Для Вассермана аргументы неприятные, но не критичные, для местных же... Разумеется, у барана свой взгляд на шашлык, но он мало кого интересует. Пространства для маневра Камова своим оппонентам просто не оставила, проведя весь процесс переговоров с математически выверенной логикой. Впору гордиться такой способной ученицей. Кавторанг поморщился и осторожно спросил:

– И вы бы сделали все, что обещали?

– А вас это удивляет?

Вассерман на секунду задумался. Действительно, то, что пообещала иерусалимцам эта симпатичная и хрупкая на вид девушка, было страшно и притом легко осуществимо. И говорить правду в этом случае легко. Правду вообще лучше всего говорить из танка. Интересно...

– Нет страшнее врага, чем женщина, – усмехнулся он.

– При чем тут вражда? – искренне удивилась Камова. – Имелась задача, имелось разрешение использовать для ее выполнения любые наличные средства.

Она и впрямь не играла, это Вассерман понял совершенно точно. Случись нужда – и выжгла бы планету на километр в глубину. То, на что сам Вассерман никогда бы не решился. И ведь не чудовище перед ним, а... кто? Бывшая студентка, офицер... Камова подняла глаза, чуть заметно улыбнулась:

– Не надо считать меня сволочью. Стервой – да, можете, а чудовищем не стоит. Просто я не вижу нужды щадить врагов. Их, в конце концов, никто не просил лезть в чужие дела.

Да, повторяет его собственные слова. Не дословно, но смысл понятен. Просто звучит непривычно – женщины редко говорят подобное. Не потому, что эмоций таких не испытывают, а из-за привычки соответствовать мужским представлениям о них. Хрупкие, беззащитные существа... от которых нет спасения. Эта хотя бы говорит то, что думает.

– Извините, – это короткое слово далось Вассерману тяжело. Извиняться он не привык – банально потому, что редко ошибался. Разве что между своими, но там все воспринималось иначе. А здесь и сейчас, да еще разговаривая с подчиненной... Однако же и поступить иначе он не мог, если не прав, не стоит упорствовать в собственной ошибке, тем более в глазах других людей.

– Да не за что. Спасибо за круассаны. Я, пожалуй, пойду.

Вассерман проводил девушку глазами, потом усмехнулся и вдруг бодро забарабанил пальцами по краю стола. Только что у него родился план. Оставалось лишь надеяться, что ему удастся уговорить бывшую студентку на аферу. Впрочем, уговаривать женщин он всегда умел. Хихикнув мысленно, профессор встал и направился в свою каюту. Эту ночь он спал без кошмаров...

Планета Урал. Это же время

Старинная, но все еще иногда исполняемая песня «А за окном то дождь, то снег» для этого места не подходила категорически. Хотя бы потому, что никакого дождя не шло, а снег лежал постоянно, закрывая горные склоны пушистым, серебрившимся в дневном свете одеялом. Чистота его здесь была неимоверная, в полном соответствии с гордым статусом лучшего на планете горнолыжного курорта, деликатно отпугивающего простых людей запредельными ценами.

Небольшое, аккуратненькое здание госпиталя, приткнувшееся на склоне, в ландшафт вписывалось идеально. Ничего удивительно, это вам не хухры-мухры, а реабилитационный центр для высшего комсостава планеты, в его палатах ниже полковника никого в жизни не бывало. Тем более лейтенантов, даже с приставкой «капитан-». Но все случается в первый раз, и развалившийся на удобной кровати, в которую, при желании, можно было упихнуть еще и пару-тройку медсестричек, пилот по фамилии Кольм был этому правилу наглядным подтверждением.

Кстати, медсестры Кольма вниманием не обходили, намеки делая весьма прозрачные. А чего? Молодой, в отличие от подавляющего большинства пациентов, собой недурен даже сейчас, а что званием не вышел – так то ж пока! Кого попало сюда не направляют, и сам факт того, что пилота лечили по-генеральски, говорит о том, что кадр оч-чень перспективный. Перед

таким и задницей покрутить не грех, тем более урону от сего действия в любом случае никакого, да и сил затрачивать не нужно.

Впрочем, Кольму было пока что не до прекрасного пола. Сейчас, после курсов экстренной регенерации и интенсивной терапии, когда пилота буквально выдернули с того света, он больше напоминал скелет – мышцам при таком лечении достается изрядно. В докосмическую эпоху после таких ранений, а впоследствии еще и перегрузок, асфальтовым катком прошедшихся по кое-как залатанному и недолеченному организму, не выживали. В нынешнюю эпоху – всего-то три дня в госпитале, но восстанавливаться придется ой как долго. Как раз в последнем медицине особых успехов так и не достигла, упершись в естественные ограничения человеческого организма. Так что месяц здесь, а потом еще неизвестно сколько долечиваться. И не факт, что удастся восстановиться полностью. Именно последнее обстоятельство тревожило Кольма больше всего.

Нет, он, разумеется, верил адмиралу. Если тот сказал, что ему без разницы мнение врачей, главное, чтобы справлялся человек с задачей, стало быть, так и есть. Но себе врать последнее дело. Если ты физически не способен управлять кораблем, значит, нечего и лезть за штурвал. С тем, что пилотировать истребитель ему заказано, Кольм уже почти смирился, но если и вовсе космос запретят... Тогда хоть стреляйся.

Черт его дернул рвануть на Урал так быстро? Полежал бы недельку, оклемался нормально. Конечно, оснащение госпиталя уральцев на Великой Нигерии и медотсексов их кораблей намного уступает тому, что есть здесь, но уж на ноги бы поставили точно. И, главное, не было нужды мчаться впереди паровозного дыма! На крайний случай, имелась возможность кого другого отправить, благо пилотов хватало. Нет – поперся сам. Идиот...

Так что сейчас капитан-лейтенант Кольм хандрил, что не мешало ему ходить на процедуры. Если есть хоть какой-то шанс восстановиться, надо его использовать. Тем более врач сказал, что еще через несколько дней можно будет гулять на улице и посещать спортзал, а там и до лыж дело дойдет. Все не так скучно. А то сидеть сиднем в палате, больше напоминающей хороший гостиничный номер, ему надоело в первый же день.

Неожиданный визитер появился в тот момент, когда Кольм, развалившись в глубоком мягком кресле, читал новый, только-только появившийся в сети детектив. Книга оказалась интересной, но Кольма все равно клонило в сон – недавний обед сказывался. А кормили здесь, как на убой. Из блаженно-умиротворенного, плавно переходящего в нирвану состояния его выдернул вежливый, но притом уверенный стук в дверь, материализовавшийся через несколько секунд в очень крупного, упитанного человека с уверенными движениями и властным выражением лица. Довольно знакомого, кстати, не раз на экранах мелькал, плавали – знаем. И кто такое, и что такое, и почему серый деловой костюм стоит больше, чем месячное жалованье Кольма.

Несколько секунд оба внимательно рассматривали друг друга, потом визитер чуть брюзгливо поинтересовался:

– Сесть пригласите, или как?

– Ну, вошли вы без приглашения, – тянуться во фрунт Кольм не собирался. Пулям не кланялся, этому умнику тоже не будет. – Так что и сесть где, думаю, сами найдете. Да и поздоровайтесь заодно, кстати.

К его удивлению, визитер не разозлился, а громко расхохотался, звучно хлопнув себя по упитанным ляжкам. Причем совершенно искренне смеялся, до слез. Потом вдруг разом сделал серьезное лицо, хотя глаза продолжали улыбаться.

– Однако же вы наглец. Именно таким вас Танька и описала.

– Э-э...

– Вы сами привезли ее письмо, на своем корабле, – пояснил Коломиец, усаживаясь в свободное кресло.

– Не имею привычки проверять чужую корреспонденцию.

– Очень похвальное качество, – магнат воровато оглянулся и извлек из внутреннего кармана плоскую фляжку и два складных бронзовых стаканчика. Плеснул в оба – по палате растекаясь густой коньячный дух – и протянул один малость ошалевшему пилоту. – Ну, вы знаете, кто я, мне известно, кто вы. За знакомство!

– А...

– А врачи пусть идут в задницу. Сейчас вам точно не повредит, я специально консультировался.

Коньяк оказался хорош. Правда, из закуски только фрукты, но и они пошли на ура. И лишь когда фляжка показала дно, Коломиец, вздохнув, сказал:

– Семен... Э-э-э... Петрович, мне не очень приятно об этом говорить, но... Вы догадываетесь, зачем я здесь?

– Из-за Татьяны, разве есть другие варианты?

– Гм... В логике вам не откажешь.

– Да какая тут логика? Тот факт, что вместо обычного госпиталя я попал в столь престижное заведение, можно еще отнести на счет уважения к моему командиру. Но вот ваше здесь появление, да еще и совместное нарушение режима... Таких, как я, в пять слоев и с горкой, и весовые категории у нас совершенно разные. Другое дело, что у нас есть общие знакомые, которых не так уж и много.

– Это точно. Что же плюс вашим умственным способностям. В таком случае, я сейчас изложу вам свою точку зрения, а вы не перебивайте – это здорово экономит время.

– Без проблем, – Кольм уселся поудобнее. В принципе, он уже подозревал, о чем с ним хотят поговорить. – Я весь внимание.

– Понимаете, Семен Петрович, – судя по тону Коломийца, тема ему была крайне неприятна, – мы все очень благодарны за то, что вы для нас сделали. У нас, знаете ли, не так много племянниц, а Таньку вы, если ей верить, спасли от верной смерти.

– Ну, там была такая неразбериха, что кто, кого и когда спас трудно сказать.

– Не скромничайте. Впрочем, главное не это. Татьяна отзывается о вас в самых восторженных тонах.

– Гм... Услышав такое от вас, я могу лишь удивиться. Мне казалось...

– Семен Петрович, – Коломиец вздохнул. – Не все ли равно, что вам казалось? Главное, эта сопля, похоже, в вас влюбилась по самые уши.

– Бывает...

– Да, бывает. И это очень плохо. Во-первых, отношения, возникшие в подобных обстоятельствах, редко бывают долговечными. Во-вторых...

– Во-вторых, мы из разных слоев общества, имеем разные материальные капиталы, образование и интересы. В-третьих, вы считаете, что она достойна большего и наверняка держите на примете кого-нибудь более перспективного. Из вашего круга. Может, и еще что-то, но суть не в этом. Я путаюсь под ногами, и вам очень хочется, чтобы мы с Татьяной Ивановной более никогда и ни под каким соусом не встречались. Я правильно вас понял?

– Вы излишне прямолинейны, но – да.

Кольм задумался. Его собеседник, по-своему интерпретировав паузу, негромко сказал:

– Если дело в...

– Стоп, – Кольм резко поднял руку открытой ладонью вперед. – Хотите предложить деньги, карьеру и покровительство?

– Я вам уже говорил, что вы излишне прямолинейны? – улыбка Коломийца была вымученной.

– Говорили. Мне ничего не надо, извините. Просто потому, что я изначально не строил насчет Татьяны никаких планов. Хотя бы даже потому, что все ваши аргументы просчитал

еще раньше вас. Она хорошая девушка, и я не хочу ломать ей жизнь. Единственный вопрос. Инициатива ваша или ее родителей?

– Родители ее погибли в авиакатастрофе. Давно. Но инициатива и впрямь не моя. Жены.

– Я так и думал. Не волнуйтесь. Долежусь – и вернусь на корабль. А вы просто придержите ее на Нигерии пока что. Время пройдет – все забудется...

Коломиец уже давно ушел, на улице потихоньку смеркалось, и палату заполнял голубоватый полумрак, а Кольм все сидел в кресле, механически вертя в руках большое ярко-красное яблоко. На душе было гадко.

Самое смешное, к разговору этому Кольм был готов еще до своего возвращения на Урал. Несмотря на возмутительную для своего звания молодость, просчитывать варианты он умел отлично. Все же мозг пилота истребителя просто обязан работать не хуже тактического компьютера. Те, кто не может заставить его трудиться, очень быстро становятся мертвыми пилотами. То, что к нему кто-нибудь придет именно по этому вопросу, он вычислил давным-давно, морально был готов, считал расклады вполне логичными и справедливыми, а Татьяну рассматривал лишь как хорошего собеседника и храбрую, пускай даже и взбалмошную девицу. Все так. Только вот мерзкое чувство, что он кого-то или что-то предал, никуда не делось.

К черту! Пилот ощутил на руке что-то мерзкое и жидкое, и это ощущение разом вывело его из оцепенения. Яблочное пюре... Он так сжал это проклятое яблоко, что раздавил его. Оставалось лишь стряхнуть ошметки в мусороприемник и сунуть ладони под струю холодной воды, смывая неприятное ощущение. Вместе с ним уходили и эмоции, оставляя вместо себя холодное спокойствие.

Нет, в самом-то деле, какая разница? Он никому и ничего не обещал, ему тоже никто и ничего... Вон, если вконец припрет, то под боком имеется Одори, которая в госпитале дневала и ночевала, да и сюда уже навевывалась. Кстати, ей, пока Кольм геройствовал, стукнуло шестнадцать, и девчонка уже сейчас красива. Так что... Но все же, почему так мерзко на душе?

Планета Земля. Это же время

– Ты видел, что этот идиот сотворил?!

Кристофер оторвался от раскуривания сигары и поднял глаза, рассматривая Марка. Тот был взъерошен и неподобающе для человека его профессии возбужден. Хотя, конечно, в свете полученной им информации это было простительно.

– Во-первых, видел. А во-вторых, это не повод к тому, чтобы врываться без стука и с порога орать.

– Что значит орать? Ты что, не понимаешь, что этот дебил сделал?

– Ну, разумеется, понимаю. Спровоцировал войну на уничтожение, что же еще...

– И ты об этом так спокойно говоришь?

– А что мне, плакать, что ли? Все равно, изменить сейчас я уже ничего не могу. Да и ты, кстати, тоже. Наша беда в том, что сведения из дальних провинций мы получаем с колоссальным запозданием. Так что, прикажешь мне плакать и головой об стену биться? Это что-нибудь изменит? Сомневаюсь. Тратить нервные клетки просто так глупо.

Марк скрипнул зубами, но возразить по-прежнему невозмутимому подельнику было нечего. Действительно, отменить то, что уже случилось, да еще и давно, им не удастся. Оставалось лишь проклинать тот момент, когда он позволил втянуть себя в эту авантюру.

Когда на стол Марку положили доклад, он сначала решил, что это какая-то ошибка либо идиотский розыгрыш. В самом-то деле, существуют неписанные, но от того не менее обязательные к исполнению правила ведения войны. Их придерживаются все, даже выродки-восточники. И тотальные бомбардировки планет – это не просто военное преступление. Это объявление войны на уничтожение, и уральский адмирал начал именно ее. Даже, похоже, не подумав о том, что ставит этим под удар не только свою планету.

– Вообще-то, как военный военного я его неплохо понимаю, – Кристофер закончил наконец возню с сигарой и выпустил в потолок клуб ароматного дыма. – Хотя, конечно, наглость запредельная, я от него такого хода категорически не ожидал. Наш шустрый протеже неплохо посчитал расклады. Сектор-то у него тупиковый, второстепенный. Против него сейчас могут выдвинуть не так много сил, основная часть флота Ассоциации занята на других направлениях. А от той мелочи, которую бросят против Урала, он отмахаться шансы имеет.

– А что потом?

– А вот потом-то и начинается самое интересное, – Кристофер многозначительно поднял вверх палец и покрутил им в воздухе, разгоняя густой синеватый дым. – Фактически наш мальчик для битья ухитрился только что заставить нас воевать.

– То есть?

– Банально. Когда над нашими планетами нависнет угроза геноцида, когда правительство наконец поймет, что сейчас их всех, независимо от чинов и званий, начнут убивать... Давайте скажем честно, им все равно, что будет с народом, но на себя и своих детей им отнюдь не наплевать. И вот с этого момента есть реальные шансы на «Все для фронта, все для победы!».

– Весьма крамольные мысли, ты не находишь? – Контрразведчик, несмотря на свои внушительные габариты, просочился в комнату совершенно бесшумно. Так что на него обратили внимание, когда дверь уже негромко щелкнула, закрываясь. – Я про наше правительство, если ты не понял.

– То, что говорят во всех подворотнях...

– То не стоит повторять в штабе. Повесить не повесят, но бумагу накачают. Отмахиваться устанешь, а это делу во вред.

– Виноват, исправлюсь.

– То-то же, – контрразведчик добродушно махнул рукой. – Впрочем, я с тобой согласен. Другое дело, нам надо думать, что делать дальше.

– А что делать... Сейчас Александрову надо подбросить подкреплений. Если он и впрямь сумеет отбить атаку восточников, то, зная его, можно быть уверенным – те отступят в полном расстройстве, с серьезными потерями. Удар свежих сил в этот момент позволит отбросить их достаточно далеко и развить наступление. Победа, пускай даже на второстепенном участке, нам сейчас очень пригодится.

– Сил нет. От слова вообще. Заводы вышли на максимум, теоретически у нас хватает и кораблей, и людей, но использовать их без миллиона совещаний никто не позволит. Эти идиоты, – контрразведчик ткнул пальцем вверх, – перепугались до смерти. Я только что с совещания, где были только самые-самые. Если бы мой шеф не схватил какую-то заразу...

– Схватил, или...

– Или. Так вот, если бы он не заболел, то и меня бы не позвали. Информация строго секретная. Наш флот оттягивается к внутренним планетам. Восточникам передана информация, что Урал поднял мятеж и более не входит в состав Конфедерации.

– Идиоты! – дружно выдохнули Кристофер и Марк. – Они что, не понимают, что восточникам плевать, а мы, наоборот, показываем слабость? Теперь они удесятят усилия, но дождут Конфедерацию!

– Понимают, не понимают... Какая, черт, разница? Над проектом «Урал» контроль мы только что потеряли. Как только там узнают, что их фактически бросили, они тут же радостно этим воспользуются.

– Наши их де-факто давно бросили, и руководство этой проклятой планеты очень хорошо понимает расклады, – мрачно заметил Марк.

– А сейчас они сделали это официально. Все, фактически мы сами выпихнули уральцев из своей юрисдикции. И я опасаюсь, что будет обратный эффект. Если они смогут отбиться, то уже как самостоятельное государство заключат с Ассоциацией перемирие. Те уважают силу и

решимость ее применять и согласятся, тем более это обезопасит им фланг и позволит сконцентрировать все силы против нас. Вся надежда на то, что на Урале поймут: справившись с Конфедерацией, восточники навалятся на них, и предпочтут не выходить из боя раньше времени.

– И что делать?

– Только попытаться донести наше мнение до руководства Урала. Пообещать им... Впрочем, что именно обещать, надо еще подумать. Ну и активизировать работу по альтернативному проекту.

– Адмирал Кеннинг?

– Да. Если у нас получится, то он пригодится не только в войне с Ассоциацией. Потом, когда все закончится, нам нужно будет держать уральцев на коротком поводке. Иначе могут обнаглеть, народ они на диво шустрый. И человек, готовый выполнить ЛЮБОЙ приказ, в этом очень пригодится.

– Не оказалось бы лекарство опаснее болезни...

– Корабль, совершивший аварийную посадку, проветривают в три раза дольше. Не уподобляйтесь, все равно у нас выбор невелик. Наступает время людей со стальными яйцами. И для каждого из нас это шанс.

– Разве что шанс откинуть копыта, – буркнул себе под нос Марк, но так тихо, что никто его не услышал.

– Далее. У наших штабных умников мозги тоже работают, и тот факт, что Урал сможет отбиться, они во внимание принимают. Считают маловероятным, но это, скорее, из-за недостатка информации. На этот случай планируется направить к ним эскадру для «обеспечения конституционного порядка», – последние слова контрразведчик буквально выплюнул, кривясь, словно от зубной боли. – Эту информацию, я считаю, до русских необходимо довести.

– Смысл? – приподнял бровь Кристофер.

– Урал – очаг сепаратизма. Наши политики сейчас подбросили дровишек в костер. Если армия попытается его задавить...

– Вообще-то, это не функции армии, – осторожно заметил Кристофер.

– А пошлют вас, – отрезал контрразведчик. – Вы моментально заработаете себе репутацию карателей и, даже победив, наверняка понесете серьезные потери. А потом начнутся проблемы более серьезные. Русские не простят. В этом случае атомный взрыв в центре столицы может оказаться наименьшим из зол.

– И какой выход?

– Элементарный. Карательная эскадра должна проиграть. Поэтому твоя задача, Кристофер, обеспечить, чтобы ее укомплектовали старьем и теми, кого не жалко. А ты, Марк, будь готов по своим каналам передать информацию на Урал. Тогда к моменту появления эскадры они будут готовы и отобьются. После этого же проще будет добиться, чтобы их оставили в покое.

– Это называется государственная измена.

– Марк, голубчик, нас всех троих давно уже можно за нее повесить. Ты как, с нами?

– Да куда ж я теперь денусь...

Система планеты Новый Амстердам. Несколько часов спустя

Два линкора, авианосец и пять эсминцев сопровождения вошли в систему красиво, всего в трех часах хода от планеты и не нарушив строя. Все же Александров, комплектуя экипажи новых кораблей, не зря сделал ставку на молодежь. В иной ситуации им пришлось бы подниматься наверх долго и мучительно, что, с одной стороны, заставляло их прогрессировать, но с другой, благодаря неизбежным в космосе случайностям или даже просто невезению, отсеивало значительную часть перспективных кадров. Сейчас же, получив карьерный толчок вкупе с угрозой потерять все сразу и бесповоротно – а что церемониться с не оправдавшими доверия

не станут, и заменить есть кем, не скрывалось, – молодняк рвал жилы. И там, где более опытные коллеги ограничивались «допустимыми показателями разброса», волчата Александра предпочитали меньше поспать и лишний раз проконтролировать ситуацию, но сделать все идеально. Не то чтобы сейчас это было так уж важно, но профессионализм экипажей повышало невиданными темпами.

Вот и получилось, что реакторы работали, будто часики, практически без колебаний мощности, курс выдерживался, как по ниточке, синхронизация момента гиперперехода и вовсе балансировала на грани недостижимого. Сейчас это было не столь уж важно, однако когда-нибудь, возможно, это спасет им жизнь. А может, и нет, тут уж как повезет, но дополнительный козырь, пускай даже шестерка, никогда не лишней.

По сравнению с теми, не столь уж и давними, но совсем не забытыми временами, когда на Новый Амстердам впервые обрушилась армада восточников, служба здесь была поставлена куда как серьезнее. Конечно, разведчики, обладающие совершенными системами маскировки, проскакивали, но появление тактической группы Николаевой засекли почти сразу и так же мгновенно опознали гостей. Немного удивились, поскольку никаких приказов от адмирала не получали, однако и претензий не высказали. Еще бы! Когда идет война, каждая орудийная башня на счету, а тут целая эскадра, пускай даже идущая транзитом.

Впрочем, не совсем транзитом. К линкорам были пришвартованы грузовые секции, набитые продуктами, которых на Новом Амстердаме, как всегда, ощущался острый дефицит. Снабженцы просто не могли отказаться от такого шанса и воспользовались оказией – грузовые корабли ходили в эту систему регулярно, но их не хватало, чтобы обеспечить быстрое создание продовольственного резерва на случай непредвиденных осложнений. Особенно сейчас, когда все мощности оказались задействованы на строительство боевых кораблей, а практически все резервные контейнеровозы перестроили в ракетоносцы. На самом же Новом Амстердаме и в лучшие времена сильно зависели от внешних поставок. После же оккупации восточниками и последующего штурма, в результате чего оказалась разрушенной большая часть гидропонных сооружений, эта зависимость еще более обострилась.

Ирине совершенно не улыбалось превращать свои линкоры в грузовые корабли, пусть даже контейнеры и предполагалось тащить на временной внешней подвеске. Одно только смещение центра масс во время маневрирования доставляло массу проблем. В гипере становилось только хуже. С другой стороны, это Александров мог бы послать всех далеко и надолго, и ни один интендант, какие бы погоны ни украшали его плечи, не посмел бы рта открыть. Николаева же его весом в спорах не обладала в принципе. Молодая сопля на временной должности... Пришлось проявлять гибкость.

С другой стороны, просьба интендантской службы выглядела вполне логичной. Снабженцы и так старались, как могли. И Устинов их в этой просьбе поддержал. Да и не требовали они – именно что просили. Так что, немного поразмыслив, Ирина согласилась. В конце концов, она практически не теряла времени – визит к планете все равно был необходим. Неизвестно, что будет дальше и сколько тактической группе придется действовать вдали от баз, поэтому перед броском Николаева рассчитывала заполнить топливные бункеры под завязку. Повторять ошибку адмирала Лютьенса² девушка не собиралась. Впрочем, несмотря на то, что ошибка эта стала уже хрестоматийной и изучалась на первом курсе любого военного института на занятиях по тактике, те, кто ухитрялся ее повторить, все равно периодически находились. Уподобляться им Ирина не хотела категорически.

² Адмирал Лютьенс во время легендарного рейда на линкоре «Бисмарк» при производстве последней заправки не заполнил топливные цистерны полностью. В результате он оказался ограничен в маневре, что привело к выбору опасного курса. Это было одним из обстоятельств, позволивших британскому флоту перехватить и уничтожить лучший линкор Германии.

Вообще же, система оказалась на редкость оживленной. Две крепости, буквально облепленные ремонтными кораблями, внушительно плыли по своим орбитам. Обе они были готовы к бою, но при этом спешно модернизировались под стандарты Конфедерации, а экипажи проводили непрерывные учения. Все же освоение техники, построенной по чужим, непривычным лекалам, требовало определенного времени.

Помимо крепостей здесь же находилась группа корветов, годных разве что гонять пиратов да перехватывать разведку противника. Все более серьезные корабли Александров выгреб подчистую, логично рассудив, что распылять силы по разным системам нет смысла, выгоднее устранить саму угрозу. Однако чуть в стороне дрейфовали ракетоносцы. Выведенные Александровым в тыл для пополнения боезапаса, ну и чтобы не путались под ногами в маневренном бою, они ожидали сигнала на присоединение к основным силам флота. В принципе, Ирина намеревалась либо идти дальше с ними, либо, если б опоздала, могла рассчитывать легко настигнуть основные силы Александра. Все же флот вынужден подстраиваться под самого тихоходного, а паршивые ходовые качества ракетоносцев были ей хорошо известны.

Отсалютовав ходовыми огнями патрульному корвету, эскадра запросила данные парковочных орбит, после чего виртуозно заняла свои места. Эсминцы тут же присосались к запраvoyной станции. Правда, скорее, эрзац-станции – ту, что была здесь раньше, сбили еще восточники, когда штурмовали планету. Однако необходимость в ней, особенно с учетом активных действий флота, никуда не делась.

Проблему решили с присущей уральцам склонностью к импровизации. На орбиту доставили старый, давным-давно списанный рудовоз, лет пятьдесят простоявший на корабельном кладбище Урала. Корпус корабля сохранил еще достаточный ресурс, чтобы не рассыпаться и даже не травить воздух через все щели, хотя, конечно, отдельные утечки наблюдались постоянно. Оборудование у дряхлого корабля соответствовало его возрасту, но предки строили крепко, и практически все после минимального ремонта функционировало. Со скрежетом и пугающим экипаж скрипом – но работало, разве что часть электроники пришлось менять.

Вместительные трюмы корабля загружали доставляемым с планеты топливом, персонал работал вахтами – двое суток работы, двадцать отдыха. Иначе не получалось, общая изношенность приводила к повышенным дозам облучения. Правда, и платили за это соответственно. Временная (а нет ничего более постоянного, чем временное) запраvoyная станция функционировала исправно, и всех ее работа, по большому счету, устраивала.

Пока эсминцы запраvлялись, а авианосец ожидал своей очереди, линкоры начали разгрузку. В принципе, можно было произвести ее максимально быстро, попросту отстрелив крепления с помощью пиропатронов. Этот вариант предусматривался как раз на тот случай, если груз потребует сбросить немедленно, к примеру, наткнувшись на противника. Но сейчас, когда требовалось ожидать как минимум шесть часов, пока завершится заправка кораблей эскорта и авианосца, в столь радикальном решении вопроса не было смысла. С планеты прибыли монтажные бригады, начавшие шустро, но не суетливо, без лишней спешки производить отстыковку груза. А экипажам выпала возможность отдохнуть, чем опытные космонавты тут же воспользовались. Неизвестно, что будет дальше, может, и на поспать времени не останется.

Ирина, в глубине души считавшая себя опытным космическим волком (единственный, пускай даже и победоносный поход такого права, в общем-то, не давал, но польстить себе, любимой, ну очень хотелось), тоже рассчитывала завалиться на койку и продрыхнуть часика два-три. Увы, с этим желанием пришлось распрощаться – на борт «Севастополя» прибыл местный представитель интендантской службы, и послать его куда подальше не было никакой возможности. Одна из обязанностей командира отряда, никуда не деться. Пришлось принимать.

Визитер Ирине не понравился совершенно. Невысокий, кругленький, лоснящийся и потный на вид, он тут же попытался облобызать даме ручку и едва не был послан далеко и надолго. Ирина даже удивилась, гость не был похож на офицера, пускай даже интендантской службы,

но тут она вспомнила характеристики из досье на деятелей интендантской службы, работающих здесь, и вопрос отпал сам собой. Как оказалось, тащиться в такую дыру, которой являлся Новый Амстердам, дураков не было, и интенданты отпихивались от подобной чести руками и ногами. Направляли сюда в основном проштрафившихся. Этот же кадр и вовсе оказался гражданским специалистом, прямо-таки жаждущим покинуть родную планету. Видать, тянулся за ним какой-то дурно пахнувший след. Однако же раз так сложилось, не пропадать же добру. Вот и оказался новоявленный доброволец здесь и, судя по его виду, совершенно не стремился загибаться со скуки, наглядно иллюстрируя тот факт, что чем тише омут, тем профессиональнее в нем черти.

Надо признать, дело свое интендант знал туго. Пожалуй, тому же Александрову, ненавидящему бумажки и слабо разбирающемуся в нюансах снабжения, если они не касались флота напрямую, в разговоре с ним пришлось бы туго. Впрочем, адмирал просто послал бы излишне ретивого снабженца куда подальше. Однако с Ириной у визитера получился облом. Как и многие женщины, она была въедлива, перед отлетом успела разобраться с бумагами, а потому отбилась и от предложения сделать небольшой гешефт, и от попыток обнаружить недостачу. Банально предложила остановить разгрузку и прогуляться в скафандре да посчитать. Гость скривился, но от подобной чести отказался. Ну а от дальнейшего выноса мозга девушку спас старший офицер линкора, которому спектакль надоел. Он с непередаваемым флотским высокомерием напомнил интенданту о том, что ничто не защищает человеческие зубы так, как уважительное отношение к окружающим. Тот намек понял и, скрипнув своими защищенными зубами, убрался восвояси. Но три часа, которые Ирина отводила себе под отдых, честно украл, так что вместо сна оставалось девушке теперь пить кофе и ругаться сквозь зубы приличными словами и, мысленно, ядреным трехэтажным матом.

Именно этот момент и выбрал незадачливый адмирал Касиваги для того, чтобы прибыть в систему Нового Амстердама. И прибыл он, что характерно, не один, а с пятью основательно потрепанными линкорами, да еще и без эскорта. Последнее обстоятельство было вполне логичным, поскольку остатки эскорта как раз сейчас гоняли по всей системе крейсера фон Корфа. Но это здесь никому не было известно, системы обнаружения позволили классифицировать цели, и только. А вот повреждения линкоров, равно как и причину отсутствия других кораблей, радары передать не могли. Неудивительно, что когда сыграли тревогу и экипажи разбежались по боевым постам, Ирина оказалась перед весьма сложным выбором.

Пять вражеских линкоров, курс которых лежит мимо планеты. И неизвестно, что и в каком количестве выскочит после. Судя по всему, они идут на Урал, и девушка с тоской подумала, что Александров, приказав ей сидеть дома, был прав. На родной планете все еще очень слабая стационарная оборона, а кораблей, чтобы остановить такую эскадру, попросту не хватит. Но и она, бросившись наперерез, мало чего добьется. Двое против пяти – сметут и не поморщатся. А главное, корабли восточников вышли близко к Новому Амстердаму и сразу же начали разгон. Времени на принятие решения минимум.

Она не могла этого знать, но Касиваги тоже оказался не в лучшей ситуации. Драпать пришлось быстро, корабли пошли по курсу, внесенному в навигационные компьютеры заранее. Первоначальным планом кампании предусматривался удар по Новому Амстердаму, и поменять курс вначале в панике забыли, а потом уже и времени на это не оставалось. Да и удар Касиваги отменять вначале не хотел – согласно информации разведчиков, у планеты имелись только две не самые мощные крепости и почти отсутствовало прикрытие из боевых кораблей. И тут раз – а на орбите эскадра, и проломить оборону уже не получится, да и на заднем плане висит что-то непонятное. Оставалось разгоняться и нырять к Уралу – пускай и ценой собственной жизни, но задачу требовалось выполнить.

К несчастью для Касиваги, его неожиданную визави натаскивали люди, привыкшие жить в огне и на кризис реагировать молниеносно. Что Александров, что Устинов имели богатый

опыт выживания и сходились во мнении, что если на вас рушится небо, то лучше делать хоть что-нибудь, нежели застыть в ступоре или часами обдумывать ситуацию, тратя драгоценное время. В крайнем случае, умрешь на бегу с адреналином вместо крови. И ученица оказалась достойна учителей.

Две минуты на оценку ситуации, еще столько же на вызов по всем каналам – и рыкающий, ничем не напоминающий женский голос:

– Слушай мою команду!..

Позже многие офицеры ловили себя на мысли, что имели вроде бы больше прав на то, чтобы принять командование на себя. Старше возрастом, выше званием... Но пока они думали, командир тактической группы взяла на себя ответственность, и оспаривать ее решения не было времени. И потом... Она имела право отдавать приказ хотя бы потому, что именно ее линкорам в случае неудачи предстояло идти на смерть.

Впрочем, отсутствие времени было не самой большой проблемой. Куда хуже было то, что сборная солянка, скопившаяся у Нового Амстердама, при всем желании не успевала интегрироваться в единую тактическую сеть. Задачи Николаева ставила на словах, указывая их только в общих чертах. Каждый из командиров отрядов вынужден был работать самостоятельно, что повышало риски, но давало шанс на импровизацию и максимально возможное использование достоинств их тактических единиц. Ведь каждый командир ракетноносца, не говоря уже о том, кто командовал их сводным отрядом, лучше пришедшей девчонки знал возможности своих кораблей.

Касиваги был весьма удивлен, обнаружив, что линкоры, которые тактический компьютер упорно опознавал как построенные на одной верфи с его собственным флагманом, начали выдвигаться на перехват его группы. По всем законам тактики, им полагалось бы сидеть в стороне и не чирикать. Нет, конечно, сам он поступил бы точно так же, но он – японец, а не варвар! Вот только кто бы ни вел в атаку линкоры конфедератов, в решимости и смелости он не уступал самому Касиваги. А ведь, казалось, что флот Конфедерации не любит открытого боя. Ударить из засады, зажать в неудобной позиции – это да, могут, а вот так, лоб в лоб... Касиваги на миг почувствовал некоторое уважение к достойному противнику. Но только на миг – большего времени на слабость адмирал не мог себе позволить.

Между тем эскадра конфедератов, стартовавшая от планеты безо всякого порядка, на ходу перестроилась. Не бог весть какие маневры для этого потребовались, но быстрота и четкость их выполнения производили впечатление. Те, кто вел в безнадежную атаку свои корабли, были неплохо подготовлены. А главное, парировать эту угрозу все равно требовалось. Перестраиваться, менять курс, терять время... Когда буквально на плечах, отставая всего на несколько часов, висит еще одна эскадра, вот-вот готовая выйти из гиперпространства и непонятно где намеренная это сделать, любая задержка чревата фатальными последствиями.

Выстраивать полноценную фронтальную «стену» Касиваги не стал. Противник атакует на пересечении курсов – значит, ответом будет стена фланговая, когда огонь корабли смогут вести всем бортом. Дистанцию между кораблями, чтобы не угодить под сопла двигателей соседа, приходится держать заметно большую, а так – никакой принципиальной разницы... Конфедераты это тоже понимали, но у них не было возможности выстроить даже жиденького подобия нормального строя. Два корабля слишком мало для сражения. Правда, за ними, прикрываясь силовыми полями линкоров, шли эсминцы, и Касиваги был последним, кто решился бы недооценивать их возможности. Как же, проходили, да еще совсем недавно. Но против линкоров пять эсминцев – не угроза, равно как и роящиеся, будто осы, истребители, держащиеся там же, за мощной защитой линейных кораблей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.